

Tul_05_063

16.07.2005, г. Тульчин.

Инф.: **Светелик Виктор Андреевич** (ВС), 1947 г. р., рус., краевед

Соб.: К.Викторова (КВ), О.Жиронкина (ОЖ)

ОЖ: Можно с вами побеседовать? Вы историк?

ВС: Я филолог.

ОЖ: Вы филолог.

ВС: Но для Тульчина я историк. Ну вы знаете...

ОЖ: А специализация у вас?

ВС: Русский, литература

ОЖ: Русский язык, литература.

ВС: Да.

ОЖ: Ага, а вы что кончали?

ВС: Минский пединститут.

ОЖ: Ага, а вы местный сами?

ВС: Родился в Тульчине.

ОЖ: А почему вы говорите, что для Тульчина вы историк?

ВС: Ну потому что меня тут принимают за историка. Потому что я автор пяти книг, они в основном посвящены истории Тульчина. Меня заставляют это делать.

ОЖ: Кто заставляют?

ВС: Люди, которые хотят знать историю, в силу того, что я знаю польский язык, а он основной источник сведений по украинской истории.

ОЖ: Угу, угу.

ВС: Начали приставать ко мне, пришлось стать историком. Ну история мне нравится, но я не считаю ее своей новой специальностью. Но люди меня воспринимают как историка.

ОЖ: Ну да, это мы уже в этом убедились.

ВС: Потому что они о моих этимологических работах не знают, они печатались в специальных изданиях, в академических. Люди их не читают. А книжки, газеты, радио они слушают.

ОЖ: Понятно. Давно вы... вы начали историческими изысканиями заниматься?

ВС: Ну с восьмидесятых годов. Лет двадцать.

ОЖ: Ага. Вы работали в польских архивах?

ВС: Я не работал в польских архивах, я работал в наших архивах. Но в восьмидесятые годы я сотрудничал с польской академией наук. Там один автор, он эвтаназией, он уже умер. Он всю жизнь работал над энциклопедией польской усадьбы. Он написал нам письмо, оно было на польском языке. Пришлось мне отвечать. Я с ним списался. Полякам было запрещено работать в наших архивах, поэтому пришлось за него работать мне. Я работал в архиве Потоцкого в Киеве, по его просьбе. А потом у нас хотели реставрировать церковь главную, бывшей (нрзб), я работал в Каменец-Подольском, в греческом архиве. Ну и кроме того я от каждого автора получал практически все научные новинки, все источники и ксероксы. Из

краковского архива у меня есть четыресто писем семьи Потоцких. Хотя я не работал в архивах, но получал много материалов. Архивного происхождения.

ОЖ: Ага, поняно, вы не специализируетесь на какой-то конкретной теме, вы специализируетесь вот историей Тульчина.

ВС: Я не занимаюсь историей Тульчина. Я филолог.

ОЖ: Ну давайте, я буду уже вас рассматривать как люди, как историка.

ВС: Я не хочу заниматься историей Тульчина, я занимаюсь сейчас другими делами. Я занимаюсь филологией.

ОЖ: А чем?

ВС: Ну многим. Я с детства хотел изучать языки. В восьмидесятые годы я был переводчиком, была такая газета «Пионерская правда». Там было два москвича, и один я из Тульчина. Они делали переводы с пяти языков, я делал с двадцати.

ОЖ: Ничего себе.

ВС: Так получилось, что я хотел печататься, была такая мания у меня. Для того чтобы печататься в центральной прессе, было очень тяжело, там своя мафия была. Мне предложили, - если ты можешь переводы сможешь делать с языков союзных республик, то ладно, , а нет мы тебя не берем. Пришлось мне изучать грузинский, эстонский все эти там языки. Чтобы попасть туда. Ну, в основном я занимался немецким языком, польским. В первую очередь польским, потому что поляки близко и наша история эта история Польши, основные источники значить во всяком случае историк Грушевский, и Аграновский польский историк, архивов украинских практически и нету.

ОЖ: Чего нету?

ВС: Архивов украинских нету. Казаки мало писали архивов.

ОЖ: Казаки не писали архивы.

ВС: Саблями махали. Они в первую очередь. Знание польского языка обеспечило мне звание историка.

ОЖ: А вы польский язык учили сами?

ВС: Я сам учил. Я... я все делаю сам.

ОЖ: А вы не пользовались, при этом тоже были ведь поляки. И наверное вы могли с кем-то разговаривать?

ВС: Нет, у нас поляки есть этнические, но никто из них у нас в Тульчине не знает.

ОЖ: В восьмидесятые годы уже не было никого, кто владел бы...

ВС: Вернее сейчас есть поляки...

ОЖ: Ну кто владел бы и в восьмидесятые годы тоже не было.

ВС: Нет.

ОЖ: Понятно.

КВ: А в семье говорили на каком языке?

ВС: В семье говорили на русском.

ОЖ: На русском...

ВС: Мать русская. Я учился в русской школе. В городе в основном говорили на русском. Галина Мефодиевна...

КВ: Это в какие годы?

ВС: Это в после военные годы. Галина Мефодиевна, она из села. Там село... (Нрзб)

ОЖ: Галина Мефодиевна, но вы настойчиво подчеркивали, что она из города?

ВС: Она из города, да, но видите Кинишев, он как пригород Тульчина. Но это село, там в основном жили украинцы. А вот люди, которые жили в самом Тульчине, они как правило говорили на русском языке. Как правило.

ОЖ: А вы с какого года?

ВС: Я с сорок седьмого.

ОЖ: Вы сказали мама у вас была русская, отец?

ВС: Украинец.

ОЖ: Ага. Вы вот двадцать языков знаете?

ВС: Яне знаю языки, я могу перевожу.

ОЖ: Можете переводить...

ВС: Это разные вещи. Переводить – это не значит знать. Можно знать любой язык и не дешифровать его, даже не зная его абсолютно ничего. Без словаря, без ничего.

ОЖ: А идиш вы знаете?

ВС: Идиш. Ну как сказать, в какой-то мере да. Потому что идиш, он искалеченный немецкий язык. Я немецкий язык неплохо знаю. Потом с детства я слышал идиш, я жил не той же самой улице Спартака, что евреи ходят. Я правда не помню.

ОЖ: Извините, я что-то плохо пока что понимаю: улица Спартака?

ВС: Спартака – это район базара, вот у нас базар в центре города, понимаете, это исторически так сложилось, что базар это в основном евреи так сложилось. Так они вокруг базара и селились-то постоянно. Уж еврей-то – это мясники, это торговцы, продавцы. Так что район базара был заселен на девяносто процентов евреями. Я жил рядом с базаром, так получилось. Вырос я все сплошь были одни евреи, ни одного не еврея кроме не было. И здесь...

ОЖ: Кроме вашей семьи?

ВС: Да. И здесь я слышал... они между собой говорили на идише, но говорили на идише не всегда, но обязательно подчеркивали, что они не евреи, советские люди и часть разговора велась, особенно чем моложе люди, тем больше они говорили на русском языке. На смешанном, это пятидесятые, шестидесятые годы. Потом в семидесятые годы, когда разрешили выезд, начали выезжать за границу. Израиль, Америка, потом Германия. Они, конечно, молодежь, мои сверстники, евреи, они почти все больше девяносто процентов уехали в большие города. Они рвались отсюда, меняли фамилии, поэтому у Галины Мефодиевны, отчество Мефодиевна. Меняли фамилии, меняли имена, меняли паспорта, меняли национальность. Сейчас меняют на еврейскую, может с еврейской куда-то свалить.

ОЖ: Ну да сейчас обратный процесс пошел.

КВ: А вы как-то принимали участие в этой жизни...или как видели там какие-то праздники, угощали они вас. Звали?

ВС: Только Пасху. Значит, мы отмечали только Пасху. Они получали... сами делали Пасху, потом я не знаю, я еще ребенком был, это пятидесятые, шестидесятые годы, Пасха отмечалась регулярно, других праздников я просто не знал. Ни Нового года, что сейчас уже знаю, ну я еще так слышал, из разговоров со старыми евреями чуть постарше меня, что они еще знали когда Ханука. Остальные праздники... чтобы они отмечали как-то Хануку, я этого не видел. Отмечали только Пейсах, Пасху. Отмечали в основном тем, что ели мацу. Может у них еще там были какие-то обряды, ну это люди, которые постарше, потому что мои сверстники их родители, ничего я у них такого не видел в семьях. В семьях я у них был постоянно. Я там и уроки делал, и у меня друзья все были... и все время там был яс этими евреями. Ну чтоб какие-то обряды...

ОЖ: Особого ничего такого интересного...

ВС: Ничего. Только ели мацу. Правда, мацу и сами пекли, и получали каким-то путем из Израиля. Нам всегда евреи приносили мацу на праздник. Мы его ели просто так, без всякого.

ОЖ: Отмечали, да?

ВС: Да, как какое-то лакомство что-то такое.

КВ: А там какие-то такие, свадьба, похороны...

ВС: Нет, нет. Никаких обрядов не было, правда в разговорах между собой, евреи, они говорили о тех, какие обряды у них были раньше. Напрмер, я слышал о похоронах, я слышал описание похорон. В своей... в своей памяти помню то, что похороны не плакали.

КВ: Не плакали?

ВС: Нет. Хоронили очень быстро, бегом. Покойника хоронили часто не в гробу, а кидали его в простыню. И бегом его... зарыли никакого плача никакого, ничего вот. И очень осуждали евреи, особенно старшее поколение, самоубийства. У нас было (нрзб)ов, еврей - самоубийца, он в лесу повесился, вместо того чтоб в лес сходить, его семье, ходили с него смеялись, говорили, что он дурак. Вот такое отношение было... Почему я тогда, конечно, не раздумывал тогда, но это был факт, который запомнился.

ОЖ: А еще что рассказывали?

ВС: А шо вам? А шо конкретно?

КВ: А вообще объясняют: почему там хоронят бегом? Почему ...

ВС: Нет, не объясняют.

КВ: Ничего не объясняли вы просто...

ВС: Ну чего я еще ребенок был, я не спрашивал. Они просто рассказывали. Если вас допустим интересуеет кладбище, то я много этим занимался. Я еще при советской власти, поскольку я работал над историей города и у меня книжка есть, сейчас я вот буду писать полную историю Тульчина, то конечно зная, что большинство жителей было еврей, интересовался еврейской историей, я ходил на кладбище, там надписи очень много на иврите. Я спрашивал старших евреев, мне казалсь, что они иврит

учили когда-то там до войны в школах, но они все позабывали. Практически они ничего не помнят. Только мне один еврей сказал постарше, что женщина – ашу, на самом деле – иша. К тому же я приблизительно слова-то помню, вот. Короче помочь с расшифровкой памятников, пока не приезжали сотрудницы с еврейского университета, с Петербурга, которые очень четко определяли, никто не мог, я в эту школу и начал-то ходить, чтобы изучать иврит, для того чтобы читать, и для того чтобы могилы разбирать. А то мне рассказывала женщина, она сорожика кладбища была, ее дед и там прадед и вся семья они постоянно там были. У меня и статья есть, я в «Иерусалим» отправил и еще в киевский «Сахнут».

ОЖ: О кладбищах?

ВС: О кладбищах. И сейчас я хочу сделать такой выпуск, Тульчину четыреста лет, я обязательно дам туда о этих кладбищах, сколько много лет я этим занимался, вот. Если вы видели книжечку «100 еврейских местечек», Лукин автор.

ОЖ: Да.

ВС: Там ссылки в основном на меня, если по Тульчину. Постоянно меня доили они, ходили на кладбище, слали они свою мнекнижечку.

ОЖ: А фамилия ваша, простите?

ВС: Светелик.

ОЖ: Светелик.

ВС: Сметана по-украински.

ОЖ: Сметана?

ВС: Сметана. Виктор Андреевич.

ОЖ: А вы говорите, что в школах до войны изучали иврит, да?

ВС: Да.

ОЖ: Во всех еврейских школах?

ВС: Наверное. А там какая программа была, я не знаю. Тогда вам надо с Галиной Иосифовной поговорить, потому что ее муж покойный, по-моему он учительствовал или был директором такой школы. Он был директором моей школы, где я учился, но она называлась русская школа, хотя многие называли ее еврейской, поскольку там в основном евреи учились. По-моему, что он работал где-то там, немного он работал, может, она помнит.

ОЖ: Он учитель...

ВС: Я программы (нрзб) чего там, чего они там учили в еврейской школе.

ОЖ: Никак не могу уловить, все-таки, по какому принципу учителя отдавали детей в школу. Вот вы говорите, что школа была русская, называлась еврейская, потому что там было много евреев, почему тогда...

ВС: Ну видите ли... У нас, как сказать, когда я учился в пятидесятые, шестидесятые годы главным принципом был не географическим, а главным принципом был социальная градация, то есть лучшей была третья школа.

ОЖ: Та, где вы учились.

ВС: Где я учился. Но туда дети отдавали не потому, что они где-то там живут, а потому что там родители крутые допустим, дети хотели поступать,

там сто процентов поступления в высшие учебные заведения. В украинских школах, там учились дети как бы второго сорта, это дети в основном которые из украинских семей или из села, потому что в селах, допустим, не было полных школ, полных, полных школ. Кончили семь классов, или восемь, или девять, а уже старшие классы, они ходили в Тульчине. Если хочешь поступать, а поступать учиться, конечно, только на русском языке. Потому что (нрзб). Надо было хорошо знать русский язык.

ОЖ: Значит русских школ было две тогда?

ВС: Нет, одна школа была русская.

КВ: Две украинских, одна русская.

ВС: Она правильно говорит: одна русская, а две украинские. Но количество учеников в этой школе было гораздо больше, чем в этих школах. И у нас еще младшие классы были. Сейчас - это помещение церкви. А вот это называлось четвертая школа. Наши классы до четвертого были отдельно.

ОЖ: А все, понятно.

ВС: Понимаете, как бы две школы было. Была как бы начальная школа.

ОЖ: Это и называлась четвертая школа?

ВС: Это и называлась четвертая школа. Я учился в этой школе, там было по четыре младших класса, а потом когда вышли Могилевский Михаил Ефимович, покойный, был очень крутой. Для него законы были неписаны и, когда бараны доходили до седьмого класса, до восьмого в общем получали диплом о среднем образовании, он этих баранов сразу же выбрасывал на улицу без пощады. Они шли работать на обувную фабрику еще там куда-то. То есть в старые классы шел отбор лучших учеников, те дети, которые создавали авторитет школы. Авторитет директора. Свой авторитет. Авторитет города. Они поступали как правило сто процентов. Ну если окончили уже, то все поступали в институт. Это было престижно.

КВ: А в украинских школах...

ВС: А в украинских...там учился, извините за выражение, всякий сброд, ну, конечно, не сброд – это люди.

КВ: А вот как бы...

ВС: Ну считалось там, что если в третьей школе, это да. Третья школа – да.

ОЖ: Третья школа их научит.

ВС: Там всякие были, не хочу сказать, что там глупые были. Но всем было известно, что при Могилевском третья школа, она давала отборные кадры. Эти люди, которые потом получали высокое очень образование, например, сын самого Могилевского, сейчас доктор наук, профессор, академик. Он был и остается референтом Верховного Совета СССР, а теперь России.

ОЖ: России, так он уехал?

ВС: Нет, он тут, зачем ему ехать, ему и тут хорошо, он может поехать в любое время, куда захочет.

ОЖ: Здесь в Тульчине живет?

ВС: Он учился, да, до одиннадцатого класса.

ОЖ: Нет, живет вы сказали?

ВС: Он в Москве живет, зачем ему здесь жить.

ОЖ: А ну вот видите.

ВС: Все евреи уехали. Ну если он академиком стал,

ОЖ: Понятно.

ВС: И таких было много, многие становились и профессорами, и учеными, значит. Считалось, что третья школа дает очень капитальные знания. И даже одно было, что физика, математика, родная мова.

ОЖ: В старшие классы попадали, преимущественно, евреи, я так понимаю?

ВС: Не преимущественно, но попадали те, кто хорошо учился. Там отбора по национальному признаку не было.

ОЖ: Я понимаю, что не было отбора...

ВС: Если еврей был барановым(?), таких тоже много было, вон и все вот, беспощадно. Многие мои друзья, ну вот все которые жили. А некоторые плохо учились, их вычисляли. Даже могли отчислить с четвертого, пятого, с шестого класса, и отправить его работать куда-то в основном на обувную фабрику.

КВ: А было... А было что-то еще кроме обувной фабрики?

ВС: Было много предприятий. Сейчас у нас практически ничего нет, сейчас у нас два-три предприятия, а было десятки. Все евреи шили в основном на обувную фабрику там..., потом швейную, но швейная - это для женщин больше, не для мужчин.

КВ: А вы говорите, что после войны больше говорили по-русски, что ...

ВС: Ну то русский язык, практически по-русски говорили.

КВ: Если так вот...

ВС: Я своим языком родным, украинским, научился говорить только в двадцать семь лет, когда стал учить все языки, пошел работать в сельскую школу. А мне тогда надо было преподавать историю, а там другого места не было, историю украинского языка неловко было...

ОЖ: Школа украинская была?

ВС: В селе. В селе все школы были украинские.

ОЖ: Ага.

ВС: Пришлось освоить украинский язык. Я его так сильно знал, то есть мы понимали, читали книжки, учили в школе. Слушали радио. Активным языком был русский.

КВ: А в основном вот радио, это были местные какие-то передачи или...

ВС: Были всякие передачи.

КВ: А по-русски, по-украински были в чем..?

ВС: В основном русские.

КВ: В основном русские?

ВС: Да. У нас передавали на украинском языке только литературные передачи, и, там допустим, в какое-то определенное время «Известия» передавали. Ну и... Вещание телевидения в основном было на русском.

ОЖ: На русском, да? А получается, что было две украинские школы, одна русская, но в основном говорили по-русски.

ВС: В городе, да. В селах на украинском. В селах сохраняли язык. Носителем украинского языка всегда было село.

КВ: Украинские школы...

ВС: Вот вы возьмите, кто наша элита на Украине, поэты, ученые, политические деятели, наш президент Ющенко, откуда? Откуда всеонивышли, они вышли все из села. Там со процентов.

КВ: А украинские школы были не до... недоукомплектованы что ли, там была ниже...

ВС: Мне трудно об этом судить. Я знаю, что русская школа, это во третья, она всегда была переукомплектована, особенно в начальных классах. Поэтому директор ее постоянно чистил. Хотя у нас было общее ориентированное образование, но с этого был сделан выход очень простой, у нас создали вечернюю школу рабочей молодежи. Если ты баран, тебя из школы выкидывают, беспощадно причем, и ты идешь себе в эту рабочую школу. А там ты учишься, или не учишься, или считаешься, это уже никого не касается.

КВ: А украинцы обычно чем занимались, то есть тоже работали на каком-то предприятии.

ВС: Чем и русские занимались, тем украинцы занимались. Разницы не было.

КВ: Не было, да?

ВС: Только были исторические какие-то традиции. Исторические традиции были таковы, что в годы моего детства пятидесятые, шестидесятые годы. Парикмахеры, мясники сто процентов евреи были. Продавцы в основном, конечно, были уже продавцы и русские, ну традиционно считались, что работники сервиса там ремонт телевизоров, допустим, портные. Вот там евреи.

КВ: А были какие-нибудь там не знаю байки, связанные с тем, что вот такое распределение профессиональное?

ВС: Это не байки, это историческое, дело в том, что когда евреи переселились на территорию польского государства, которое прижало Украину, так к ним как во всей Европе, я не могу отвечать за всю Европу, но по-моему везде так было, евреи не имели в Польше быть собственниками земли. Поэтому они не селились в селах, в нашей при Российской империи это все сохранялось, хотя практически евреи уже и в селах жили, вот. Они могли получить высшее образование, минуя все эти препоны, которые им ставила государственная политика, вот. Стать даже членами Государственной Думы, уже перед революцией. Ну так сложилось, что в основном они исторически уже сто лет, что жили в городах, их поставили в такие... Они сами их робили. О, евреи не хотят работать на земле Но в Израиле ж они работают

КВ: Вот я об этом и спрашивала. Не хотят работать на земле – как бы байка, да такая.

ВС: Это байка, да. Что не хотят работать исторически это... байка, потому что они были поставлены... была черта оседлости. Вот это вот тоже почему

была черта оседлости, вот в этом районе, если мы вот так пойдём, так то этого дома метров сто. Ну люди посташе помнят там какая-то типа как звезда сояла в общем там какой-то был знак, что вот по этой улице, во видите, здесь украинцы жили, здесь евреям нельзя было селиться. А вот только в той части города.

КВ: Да, а это в какие годы?

ВС: Ну это в начале, в начале двадцатого века. Там мне один старожил рассказывал, который уже помер, но его мысли...

ОЖ: Как-нибудь назывались эти части города?

ВС: Да, обязательно. Черта была до революции, если вас интересует какое время, еще до революции возник конгломерат поселков.

ОЖ: Ага.

ВС: И там селение сначала происходило на такой, как сказать, национально-конфессиональной основе. Были старейшие, потом я книжку вам свою подарю, вы там об этом почитаете. Там и районы города нанесены, вы еще долго здесь собираетесь быть?

ОЖ: Неделю еще. До воскресенья до следующего.

ВС: Там все написано. Этим можете воспользоваться, потому что есть карта Тульчина. Там все...

КВ,ОЖ: О, карта, наконец-то, господи.

ВС: Видите, у нас две реки, если заметили, вот там речка Тульчинка, тут параллельно течет речка Фин(?). Первое поселение в Тульчине считай, что выросло вот там, вот этот район, вот здесь вот с этой стороны это вот район Янки, там жили гончары, я там жил в этом районе. А район чуть дальше туда к церкви, маленькая церковь, если вы там уже там смотрели на фотграфии Тульчина, этот район назывался Воловодовка. Там выращивали волов на продажу. Основной там... Это старейший украинский район, это начало Тульчина, потом еврейский район. Еврейский район – это вот следующий перекресток, когда где дорога поворачивает на Винницу, и там где музей.

ОЖ: Ага.

ВС: Вот там где церковь, музей, во эта линия, если ее вот так провести, вот она отгораживает еврейский район, справа Капцановка, район еврейской бедноты, но там не только евреи, это был интернациональный район. А слева ближе к дворцу, если вы дворец знаете?

ОЖ: Да, да

ВС: То за дворцом был район зажиточных евреев, там была синагога, там была миква, такая еврейская баня за дворцом.

КВ: За дворцом это?

ВС: За дворцом, вот это я все могу вам показать. Если вам интересно. Вот это был центр. Там богатейшие евреи жили рядом с дворцом, то есть у них какая-то градация там была. Ну а вот эта часть, очевидно, она была польская, потому что этот район, где мы с вами сидим и вот то следующее здание церковь – это старейшее польское кладбище. Оно существовало где-то до тысяча восьмисотого года, потому что он потом его переехало туда, там памятники были с тысяча восьмисотого года. Вообще, Тульчин очень

интернационален. Тут были русские поселения, очевидно, староверы. Но они были не так сильно локализованы, они занимали, очевидно, какой-то район Капцановки. По документам я этого не знаю, это я знаю из архива профессора Попова, был у нас такой до меня еще, историк Тульчина, который местный родился здесь, и он очень хорошо знал Тульчин девятнадцатого столетия, потому что он родился в нем...

ОЖ: А я вот еще что хотела спросить, русских, я так понимаю, на самом деле, было здесь немного, да?

ВС: Немного. Но русские тут были всегда, потому что когда началась колонизация Украины, с 1796 года, когда Украина вошла в состав России, то Тульчин занимал исключительное положение в истории России, поскольку тут был крупнейший воинский центр. Во дворце был штаб Суворова. Штаб армии. Тогда было три армии. В России. Штаб одной армии был в Тульчине. Это была украинско-молдавская армия, то есть она квартировала на территории правобережной Украины и Молдавии. Потому что (нрзб) украинской армии и Суворов ей командовал и Румянцев, наверное вам известно. Потом Румянцев ушел на пенсию и в ставку пришел Суворов и занял его место, и штаб его был в Тульчине. И только Суворов это сделал, в Бурса он жил, до тысяча девятьсот семидесятого года постоянно тут околачивалась в Тульчине масса военных. Суворов уже умер, а все равно стояли какие-то штабы, какие-то войска. Вот такое здание, видите оно похоже на дворец. Это еще в 1815 году построили французские военнопленные по приказу русского царя для казарм второй армии, ну казарм здесь не было, частей не было, но с этого года Тульчин был штабом второй армии. Это была крупнейшая лучшая русская армия, причем тогда в России было только две армии. Во поэтому в Тульчине было Южное общество декабристов, потому что тысяча штабных офицеров и они создали там по версии ... там общество. Потом армия пошла в Чечню, где ипосегоднюшний день воюем. Ну какие-то гарнизоны, какие-то генералы, какие-то части, какие-то штабы, поскольку там городок военный какой-то был.

ОЖ: Все до последнего времени, вы говорили.

ВС: Все до последнего времени, уже после войны тут уже тоже стояли штабы. Тут был штаб дивизии Котовского Григория Ивановича, и это не штаб, а дивизия, два полка, один полк здесь квартировал, другой в дворце. Потом, потом все ушли на войну Москву защищать в сорок первом году, после войны снова стояли части. Они и этот дом занимали, военные. Вот тут один еврей жил, романтическая такая история, национализировали.

КВ: Ой, расскажите.

ОЖ: Какая романтическая история?

ВС: Ну, во-первых, его фамилия интересная Гликлих, счастливый на идиш, ну, легенды говорят, потому что документов очень мало, что Гликлих якобы приехал из Италии, вот (нрзб) откуда-то появились эти колонны не знают откуда эти колонны взялись они не греческие, они какие-то Бог знает они от чего, какие-то азиатские.

ОЖ: Да, да.Африканское что-то.

ВС: К какому они ордеру принадлежат. Ну и он влюбился в дочь бывшего богатейшего еврея Розенфельда, который жил в музее, Юлию, а по-еврейски ее звали Нихома.

ОЖ.: Нихома?

ВС: Нихома. По документам она была Нихома, потому что выписки из архива у меня есть. Она владела, до пятнадцатом году она владела четырьмя домами.

ОЖ: В 1915?

ВС: В 1915. А сам Гликлих был такой дом, который потом национализировали. Он не очень шикарный, но там всегда жили первые секретари райкомов у нас, наши первые люди.

ОЖ: Ага.

ВС: Ну и в семнадцатом году, или когда там уже советская власть установилась в двадцатом году у нас в Тульчине. Этот дом отобрали у этого Гликлиха, куда делась Нихома никто не знает, как ее судьба сложилась, может быть она рано умерла, не прежив всего этого. А Гликлих, он жил еще при советской власти. Ему оставили комнату якобы здесь.

ОЖ: В этом доме прямо?

ВС: Да, в этом домике.

КВ: И он не уезжал никуда, не уезжал?

ВС: Не уезжал никуда,он и два сына его, так и остался до конца жизни. А два сына его пошли в Красную Армию, и один якобы в чине майора, а по другим рассказам даже генерала приезжал после войны, думал шо его не знают , нокак говорится, старые евреи, они его узнали.

ОЖ: А эта Нихома, куда делась никто не знает?

ВС: Никто не знает, куда делась Нихома, я столько рассказов, легенд слышал, но тут мой знакомый был директором Дома пионеров, тут одно время был он, в пятидесятые годы был директором Дома пионеров, значит, Министерство Обороны владело этим домом, оно передало для пионеров это здание, так он собирал тоже много легенд от евреев постарше и рассказывал мне, вот по Нихому там как-то умалчивают.

ОЖ: Умалчивают, да?

ВС: Тут, карлики были еще. Вот этот весь квартал был парк, фонтан. Вот это все было... Ну считалось, что это не Нихомы, а Гликлиха почему-то. Я не знаю почему. По документам это было ее.

ОЖ: А какие карлики?

ВС: Карлики, ну то в гражданскую войну поломали, мы ж были варварами все.

ОЖ: Ну, ясно. Так вот я все про этих русских-то, которых было мало...

ВС: Русских было не настолько мало, может быть, их было в процентном отношении не очень много, но дело в том, видите как происходило, когда русские в конце восемнадцатого столетия оказались в Тульчине, то они начали занимать ключевые места, которые раньше принадлежали полякам. То есть Тульчин начал в социальном отношении русифицироваться. То есть

военные, чиновники, судовая власть постепенно начали переходить в руки русских, а если там бли какие-то украинцы, или поляки, то естественно, что они руссифицировались. А именно Коцюба, Кочерга, по-русски он стал Коцюбинский, там или, допустим, много русских или там допустим есть там Филоненков, Игнатенков,- это ж украинцы. Когда они приехали на Россию, они приделали себе в конце «в», это но хвост украинский остался, угадаешь, что человек стал хохлом, а и не хочет быть уже. Там ... такой процесс был как сейчас, сейчас идет процесс евреизации. Все хотят в Израиль, там лучше сейчас, чем у нас. Тем более, что там много наших уже сейчас. Вот, а тогда шел процесс руссификации и чиновники и военные, которые составляли привелигированную касту Тульчина, они в основном были русские или руссифицированные поляки или украинцы.

ОЖ: Как бы контакты не очень интенсивные были, да? Вот между этим высшим слоем и местным населением.

ВС: Контакты не было прежде всего еврейской общиной,

ОЖ: Были?

ВС: Даже Пестель, когда он писал в двадцатые годы девятнадцатого столетия «Русскую правду», он там специально посвятил много страниц решению еврейского вопроса. И сейчас незря евреи, смеясь, называют первым сионистом, он же хотел построить их колонию, и отправить туда.

ОЖ: И отправить.

ВС: Но это был один из двух вариантов, первый был такой: евреи признают нашу государственность, то есть они ее никогда не признавали. У них была своя община, которая руководилась традициями, руководилась раввинами, это в девятнадцатом столетии, это было еще очень интенсивно. Потом появились хосиды, которые все это дело пытались сохранять и было консервативного много...

КВ: А как же вы говорите, что сейчас процесс евреизации это вот...

ВС: Всегда евреи жили обособленно, понимаете.

КВ: Это проявляется вот в чем клнкртно...

ВС: Ну проявляется в чем, в том что люди начинают вспоминать, что у них есть какие-то еврейские корни, или якобы еврейские корни, или жениться на евреях, еврейках, чобы уехать в Израиль, эмигрировать из Тульчина. В Тульчине, знаете, у нас какие сейчас экономические процессы на Украине. Ну для России они тоже характерны, это было становление монополистического, хищнического капитала, когда во такие города как Тульчин, людям которые типа вашего Ходорковского или нашего Климчука, им было плевать. Они создавали мощные такие комбинаты, предприятия, куда сгонялись десятки тысяч рабочих, которые давали боьшой навар. А эти предприятия маленькие, они были конкурентами, они были нежелательны. Они их просто уничтожали, разоряли. Но люди тут, молодежь, куда ей деваться было, если люди среднего, моего возраста выезжают в Испанию, в Португалию, к черту на Куличики. Потому что жить-то можно здесь, от глolda нико не умирает, но такая безысходность, если дать человеку образование или построить дом это, конечно, уже не зарплата.

ОЖ: Не возможно.

ВС: Не возможно.

КВ: А здесь чувствуется вообще вот как бы украинизация сейчас?

ВС: Конечно, дело в том, оно заключается в том, что произошли очень сильные эмиграционные процессы. Город в пятидесятые, шестидесятые годы, то есть посередине двадцатого столетия, он был русско-еврейским, несмотря на массовое истребление евреев, ведь девять десятых процентов населения во время оккупации было истреблено в концлагере Печоры, но откуда-то они снова появились, они откуда-то... там где-то они воевали или куда-то там выехали или где-то там они сидели на румынской территории в гетто.

КВ: А сколько человек примерно эвакуировали?

ВС: очень мало, спросите Аркадия Евсеевича он все знает, у нас есть еврейская община «Швайбах», вы лучше к ней обращайтесь.

КВ: У нас есть просто разные...

ВС: Да, разные цифры, точно вам никто не скажет, Галина Мефодиевна, кто она? Вот так посмотришь вроде бы она украинка, а у нее папа видите ли еврей. Мы себя кто кем считаем, тут смотря с какой точки зрения смотреть. Сами евреи как считают, - мама еврейка, значит, ты еврей. А у нас какие-то другие критерии, я – еврей, потому что я хочу в Израиль. Вот так ведь. Разные точки зрения, поэтому смотря с какой точки зрения вы будете смотреть. Значит, начиная с эпохи Брежнева, когда уже, при Хрущеве, видите, там была какая-то свобода, ну там еще сильно боялись по старинке. Боялись КГБ, боялись высунуть проив советской власти, и только отдельные диссиденты на это отваживались, и этих диссидентов отправляли, как правило, туда, куда Макар телят не гонял, то в семидесятые годы процесс пошел другой. А если человек выступил проив советской власти, его захомутали, так его же не расстреливали, не давали двадцать лет, даже его в Сибирь не отправляли, и даже его на год могли не садить. Он постучал себя кулаком в грудь и сказал, -ребята, я больше не буду. Но за ним постоянно следили, потому что везде были стукачи, и был какой-то моральный пресс. Уже не было... Все об этом, шо в КГБ уже не так, как тогда при Сталине, бить не будут, истязать не будут, уже какая-то была внутренняя свобода. И человек, естественно, хотел вырваться отсюда, потому что на него давил очень сильный пресс. Вот у нас Тульчин город Леентовича, это композитор, который известен во всем мире, даже больше в Америке, чем у нас на Украине. Леентович всю жизнь мечтал вырваться из Тульчина. Это продолжается по сегодняшний день. Появляется у нас человек, у которого в голове чего-то там есть. Потому что в Тульчине он себя не реализует, а он работает в провинции, он, особенно в селе, или даже в маленьком городке, например, на Кар(нрзб). Ну и шо, вто время трудно себя было прокормить, огород надо было иметь, пахать надо было. Ну городские жители, он физически не подготовлены, к турду не привыкли. И когда он появлялся в большом городе, может он не имел там такого шиккарного образования, потому что сами они только разночинцами были, вы посмотрите на

Некрасова, Белинского. Они не получали дворянское, высокое образование, но они были упорны как поросята, они рыли землю носом, понимаете, и они пробивались везде правдами-неправдами, ну что их тут ожидало – ничего хорошего.

КВ: но сюда тоже наверное кто-то приезжает?

ВС: Нет.

КВ: Из сел.

ОЖ: Из сел.

ВС: Из сел, да. Вот идут к нам с таким лбом, вы понимаете.

КВ: То в основном...

ВС: То есть к нам перезжают, перееляются ... Вот, на... к примеру, Галину Мефодиевну, она родилась в селе Киноши, недалеко, но все-таки село. Теперь она коренная тульчинка, она переселилась сюда.

ОЖ: Городская.

ВС: Городская стала. Евреи начали выезжать, если их в семидесятые годы не пускали в Израиль, то все они, вот ученики, которые со мной учились, вот все, ну сто процентов.

ОЖ: Вот здесь на курсах.

ВС: Да. Умные, идиоты, они все сейчас не тут. Сто процентов не тут. Тот в Германии, тот в Штатах. Но, когда они учились со мной, значит, в шестидесятые-семидесятые годы, они все выезжали- Харьков, Киев, Москва, Ленинград. Там они все женились, там на ком угодно. Жили, они там где-то прилепливались и там они и оставались. Ну а конечно, когда освобождалось место, вакуум какой-то, тотуда селились в основном ...

ОЖ: Из сел.

ВС: Изсел, но не только из сел, сейчас у нас эмиграционные процессы пополняются тем, что переселяются караимы чего-то там. Цыгане.

КВ: Сюда?

ВС: Сюда, да. Ну это, допустим если не в Тульчин, то и в Тульчин и в села. О есть...

КВ: А почему?

ВС: Потом... Спросите их, я знаю, чего они едут, они ж не говорят.

КВ: Караимы?

ВС: Ну, караимы, они в этом, в Клебани(?) у нас, пока еще в городе их Бог миловал. Ну тупые, говорят, как валенки. Вот они там дебилы, ну это я не знаю, так люди говорят, я с ними не общался. Цыгане, а цыгане чем занимаются- торгуют контрабандным товарам, торгуют наркотиками. То есть, по-нашему, эо криминал. А евреи, которые уехали, это были... были носителями относительно высокой культуры. Потому что даже если у них не было высшего образования, они были неплохими ремесленниками в основном. Они хорошо работали. Он зубы вставляли, ремонтировали телевизоры, были врачами. А их сменили люди, которые уже ...

КВ: А выговорите, что украинизация заметна...

ВС: ... вот такие...

КВ: ...это как бы видно и в повседневной жизни.

ВС: Это видно... Даже возьмем вот улицу Спартака, где я жил в зеленом (нрзб), которая почти, что сто процентов была евреев. Так там сейчас один Тираспольский живет, он там родился. А все остальные там уже живут украинцы.

КВ: Ага.

ВС: Или цыгане какие-то там живут.

КВ: Вот, украинизация, в смысле, что сюда переезжают...

ВС: Переселяются люди из села.

КВ: Из села, да? Украинцы?

ВС: Да, из местных сел.

КВ: А там еще...

ВС: А еще, допустим, переселяются армяне, азербайджанцы, люди которые торгуют. Бизнес... Какие кланы(?) торгаши, бизнесмены. Не очень крупные, потому что крупные, они будут где-то там в Киеве, они будут правительство Ющенко, когда есть желание, и у вас, говорят, много азербайджанцев в Москве, около (нрзб) часто. А которые такие мелкие, они будут торговать. У них есть какие-то свои общины там.

КВ: А вот на уровне, я не знаю там, каков-то давления госуда... со стороны государства.

ВС: Ну как же...

КВ: Вы чувствуете, нет?

ВС: Ну если давление есть, так оно на всех есть.

КВ: Да, вот с использованием украинского языка, как стало тяжелее, сложнее?

ВС: Я, например, не чувствую этого давления.

КВ: Не чувствуете совсем, да?

ВС: Например, ко мне пришел один дед, когда-то, у него сын служил в Латвии при советской власти. Вот он женился на латышке, а потом он пропал. И папа хочет знать где его сын.

КВ: А вы можете по-украински говорить?

ВС: Кто?

КВ: Вы.

ВС: Я.

КВ: По-украи...

ВС: Давайте так...

КВ: А вы можете вот сейчас, эту историю рассказать по-украински?

ВС: Звычайно, шоб уш. Вы розумиитэ.

КВ: Будь ласка.

ВС: Значит, батька своего сына, який був вийсковым там саршина, він служил в армії, дружився він з жінкою, з латышкою. И писал листы и батька..., а потім він дэмобилювався и биз слиду пропал. Батька пише его запыт вийскову, ему вид туда приходыть лист, пыдпысаний полковник Богданов, ну отыскав ему, шо дуже цікав, шо полковник Богданов (нрзб) видповыдание на латышской мови, и пише, - полковник Богданов (нрзб). У нас такого нэмаэ. Ций бидный дид бигал шукать, кто ему може это

перекласти, поскольку я там трошки, я там балтийский мове знаю, я колысь этим занимался в «Пионерской правде», вин находить меня и ему уже прочитаяю цей лист. Ну такого нэмаэ у нас. Ну так он сына отыскивав в балтийских краинах. Потому что там десь у нас нимаэ такого национальной свидомости, яка характэрна для поликив. Для ... шоб тут можно говорить о про... ментальности украинцев. Вот вы уже имили увагу, шо у нас дуже богато смиття, у нас смиття, может вы где-то в центре и бачили, цэ. Чому, тому шо украинцы всегда не видчуваэ господарем своей земли. Вот це то подвирья, це будынок, вот цэ мое, тут будэ идеальны порядок, який можно навести. А тильки вишел вин с подвирья на улицу, - це уже не его. (Нрзб) видповэдалности, яку маэ прибалт, нимиц за всю краину. Он нэ хозяин. Черт его знаэ, хто тут хозяин, может и (нрзб), може там и Ющенко, може господь Бог, только не вин. Вот тут можно гадыты, ломаты. И докиль мы ций менталитет нэ поменяем, так у нас и порядку никола нэ будет. Я в Прибалтице был хлопцем, у меня дывчина там была, литовка. Я хотел ей зробыты приэм, я пишел до клумбы зирвал квитку. Зорвитэ цвиты, - вам ништо ничего не скаже, правильно? Пид лавкой, значит нигде не краденное. Я зирвал квитку, тут продавщица, шо продавала пиво, кидает... там чего уже наши стоят мужики пиво хотят, - Чего ты это рвешь? Ты этот цветок сажил? Хватит там проповедуешь, давай сюда пиво наливай. У нас можно тут уси дэрева порезаты, нагадыте можно посередь улицы, кинути смиття поблиз парадных. Потому шо мы ... нэ хозяйвами своим... Не знаю...

ОЖ: А у евреев какой менталитет?

ВС: Такой самый. А у евреев... у евреев, которые жили здесь, менталитет был такой, - мы здесь нежеланные гости. И вот поскольку я всегда был с ними в хороших отношениях, они не стеснялись мне говорить правду, ну такие были. Вот этот тот же самый, Коля Тираспольский, Николай Григорьевич, о которлм я вскользь говорил, так он, когда встречал какого-то там еврейчика, он, у негошутка любимая была: «О, жиденок на Украине». Они себя чувствовали себя здесь в гостях. Вроде бы и не было ни... ни национального угнетения, ни антисемитизма какого-то там государственного...

ОЖ: Это было, потому чо к ним так относились или это ... так сказать...

ВС: Ну, видите ли

ОЖ: ... или так везде они себя так чувствуют?

ВС: В селах всегда антисемитизм был сильнее, чем в городе. В городе были сами они, которые были городскими жителями, они себя не чувствовали коренными украинцами. Они как бы были... Вот я воспитанник русской культуры. Мой родной язык – русский, я учился в русской школе, я – русский филолог. Поэтому понятие «украинский», для меня оно всегда в молодости было какое-то такое абстрактное. Всегда...

ОЖ: А вы себя, вообще, кем чувствуете?

ВС: Сейчас украинцем.

ОЖ: Сейчас?

ВС: Но это почувствовал уже когда видно что... Дело не только в Украине, а сейчас идет такой национальный процесс, смотрите, во всем мире. Чехия и Словакия, чего им там делить? Богатая страна, какого хрена им разделять, если уж Чехословакия отделяется, Чехия богаче. Нет, мы хотим жить отдельно. И это по всей Европе так пошло.

КВ: Да, да, да.

ВС: То есть это такой всемирный процесс, понимаете. И может в Европе это больше было, и под влиянием этих процессов, я не говорю за всех, я не могу говорю за всех, я не могу говорить от имени всех людей. Но люди подумали, некоторые были космополитами, которые были развиты(?) воспитанием, они себя чувствуют более. Потому что мы были воспитаны на русской культуре, на русском языке. Мы ж не требуем запретить, что там запретить русский язык.

КВ: Ну...

ВС: Мы ж тоже пришли из школы. Все выросли, давайте будем только по-украински писать, ешо на такой мове это наговорим, так язык, знаете, что украинцы вывезли куда-то там в Канаду. А мы все таки... А це справи ж украинская мова, вот так вот треба говорить.

КВ: При этом вы себя чувствуете...

ВС: И сейчас они хотят сделать реформу, там есть несколько таких ученых. Очень крутых.

КВ: Да, есть.

ВС: хотят вообще переделать на западенский лад. Создать нам такой язык, который у нас никто не понимает. На чем разговаривают в Америке, в Канаде. Ну там же его формировали...

КВ: Ну там это ...

ВС: ... это племена, которые якобы с западной Украины, это же наш язык.

ОЖ: Если вы себя ощущаете украинцем, вот...

ВС: Сейчас, да.

КВ: Вот вы считаете, какой государственный должен быть язык.

ВС: Только украинский. Я ситаю.

КВ: Только украинский?

ВС: Да. Я считаю, что люди между собой могут... могут на каком угодно языке говорить, понимаете? Но... государственным как во всех нормальных странах должн быть украинский язык.

КВ: Но есть страны, где там два языка...

ВС: Хорошо, есть два языка. Вот у нас есть регион Донбасса, да? Хорошо у них... там много русских, там много говорят. Они там по-украински, допустим, ни фиги не понимают. Давайте сделаем как в Америке. Давайте сделаем умно, давайте в этом регионе сделаем два государственных языка. Но это не значит, что там якобы кто сидит... У нас суже многие люди в селах, даже на Тульчинщине русский... русский язык не понимают.

КВ: Не понимают?

ВС: Нет, не понимают. Потому что раньше преподавание велось в школах... Приезжае там какой-то там учитель, еврей, в школу, такое часто было, чтобы подработать на пенсии. Он по-русски говорит. Он радио, телевизор включает там по-русски.

КВ: А вот сейчас по телевидению.

ВС: А сейчас уже такого нет. Сейчас канал русский есть. Если ты хочешь, ты себе включаешь.

КВ: А какие?

ВС: Ну государственное радио, государственное телевидение. Вот сейчас исключительно идет на украинском языке. Преподавание в школах, в ВУЗах ведется на украинском языке.

КВ: А газеты здесь?

ВС: Газеты на любом выходят. Никто им не диктует на каком языке. Это дети сейчас уже в школах, они раньше вот мои ученики, я их учил которые, они говорили: «Ну, спасибо, что Вы нас научили так хорошо русскому языку». Они сдавали экзамен, потому что они русский знали лучше, чем украинский. Ну в силу того, что ябыл хороший учитель, допустим, их научил. Сейчас я смотрю этих детей... Они такого ... Они уже не понимают русский язык. Зачем же им делать русский язык государственным?

ОЖ: Они действительно не понимают.

ВС: Не понимают.

ОЖ: Эти ребята.

ВС: Не понимают, да. Не ну они кое-что понимают, но много ж не понимают. Как они глупость такую... Шо подходить мужик-украинец к женщине, которая торгует на Украине, но она какая-то приезжая или че. Она не знает украинской... У вас сырняки е? Знаете, что такое сырняки?

ОЖ: ...спички(?)

ВС: Нет у меня сырников. По-нашему не сырняки, я ийсты не хочу. У вас сырняки..? Я ж тебе, барану, русским языком говорю,- нет у меня сырников. В общем...Зачем же им вводить гсударственный язык, если весь регион, там много людей, которые на русском языке говорят. Они не понимают украинского языка, они не все понимают. Давайте там сделаем два ... но именно для этого региона, я так считаю. Там же в А мерике тоже, там и штаты... Там каждый штат может решать этот вопрос в пределах своего штата. Давайте сделаем у нас так на Украине.

КВ: Потому что здесь вот...

ВС: Я вот вообще государственным языком русский я считаю, что это, конечно, абсолютно... У нас... В наших областях, а тем более в западной Украине, я думаю, что это б(нрзб). Ну, приедет какой-то чиновник и начнет вот нам писать, и нам рассказывать, а я не понимаю, что он там пишет. Ну а я не знаю, потому что видите, вот по закону. Там будет скандал, так зачем нужно. Давайте сделаем... По-моему в Америке там же испанский язык государственный. Где? Там небольшой процент проживает испано... испаноязыческого населения, там есть выходцы из Мексики, есть выходцы из Кубы. Они еще не все адаптировались, не все акклиматизировались. Там есть

старые люди , которые уже не будут учить английского языка, в силу того , что у них мозги уже не так работают. Давайте для них документы будем делать на испанском языке, если есть такая возможность. Почему нет, что тут такого...

КВ: А вот на улице ... разговаривают по-украински, как вот там суржик немножечко...

ВС: У нас да. У нас сейчас основным языком в Тульчине стал украинский, а в середине прошлого столетия был русский.

КВ: Но иногда там существует немножечко смесь, типа...

ВС: Суржика, да. Это сто процентов. В основном говорят на суржике.

КВ: На суржике, да?

ВС: На суржике, да. Честно говоря...

ОЖ: А откуда все-таки вот в прошлом , там в девятнадцатом , в начале двадцатого века так хорошо знали русский?

ВС: Я же говорю вам потому что...

ОЖ: Я так поняла, что вот военные как бы жили скорее обособленно, да?

ВС: Есть. У нас дело в том, что на это повлияли поляки. Когда у нас Украина вошла в состав русского государства в 1796 году, помню эту дату. То у нас было много поляков, которые еще не забыли свой язык, которые русский язык , допустим, плохо знали. У нас много было украинцев католиков, которые приходили в храм и слушали молитву там на польском языке. У них там где-то там польский в школе учили. То есть у нас польский язык был очень ходовым языком. И у нас на Подолье по крайней мере по документам до 1850 года документация велась на двух языках. На русском и на польском, она была двойная. И это очень правильно. А потом польский язык отменяют. Почему? Потому что ну это уже начались политические репрессии. Были восстания, Крестушка(?) было восстание в 1830-31 года, было национальное движение 1848 года. Именно после сорок восьмого года русское правительство принимает решение, вся документация в судах и везде ведется только на русском языке. И это очень повлияло на то, что людям русский язык нужен был. У нас были русские школы частные. Польские пансионы. Вот. Там дети учились. В том числе и польскому языку, они были запрещены.

ОЖ: А вот до революции евреи, например, там учили русский язык в школах или как?

ВС: Ну, русский язык я не знаю.

ОЖ: Но...

ВС: В гимназии, разве что, если он учился в гимназии, то...

ОЖ: В гимназиях учились же далеко не все...

ВС: Не все...

ОЖ: Я вот не понимаю откуда...

ВС: Вот эта еврейка Нихома, которая жила вот здесь, она-то учила русский язык. А бедный еврей, он ничего не учил. Он на улице учился.

ОЖ: На улице учился.

ВС: Ему шо надо было, он прохо...

ОЖ: А на улице жили в основном евреи?

ВС: Ну почему, на базаре там, нужно было знать разные языки.

ОЖ: На базаре, просто.

ВС: Если на базаре там где-то там торговал, евреи в основном этим занимались. Или занимался каким-то там бизнесом, то ему надо было знать украинский, понимать по крайней мере русский и польский. Они трехязычные.

ОЖ: Ну мне вот как-то не совсем, понятно, откуда получилось такое вот хорошее знание русского.

ВС: Я вам еще раз говорю, хорошо знание русского связано с руссификацией. Потому что с 1796 года военные и гражданская власть принадлежит русским и чиновникам русскоязычным.

ОЖ: А вот же... (нрзб)

ВС: Это было государственное, это был государственный язык, русский. Параллельно ему у нас был еще и польский.

ОЖ: Нет это вообще-то важно. Спасибо.

ВС: Ну украинцев-то не было.

ОЖ: Да.

ВС: Значит приходилось знать русский язык.

ОЖ: Приходилось?

ВС: Да. А церковь какая была, давайте с этого начнем... У нас и по сегодняшний...

ОЖ: У евреев-то была...

ВС: Нет у нас, у христиан, церковь у нас была русская православная. Здесь украинской церкви не было.

КВ: И сейчас нет?

ВС: Сейчас есть. Но она в большом загоне. У нас главная сила. Русская православная церковь. Вот у нас две церкви в Тульчине.

КВ: Да, да.

ВС: Одна вот русская православная. И люди ходят туда, а там на русском все. Украинец от русского языка никогда не отходил, он с семнадцатого столетия в церкви, а если он ходил в школу. И там поп и учил, то конечно, поп учил на русском языке. Ну если родители его отдавали, конечно. А если не отдать, то это уже такое дело.

КВ: А как так получилось, что украинской здесь нет церкви только вот московская?

ВС: Ну потому что я не знаю, это надо быть историком церкви уже. Это я вам не скажу. Дело в том, что там у нас три церкви получается.

КВ: Ага.

ВС: У нас есть русская православная церковь. У нас есть украинская церковь, которая признает главенство Москвы. У нас есть самостоятельная украинская церковь. Которая говорит, на фик нам Москва нужна, мы напрямую. Там с Константинополя (нрзб)

ОЖ: Ближе к этому.

ВС: А исторически сложилось так, что всегда была на Украине русская православная церковь. Это начиная с Богдана Хмельницкого с 1654 года, когда...

(Конец записи)

Tul_05_063_2

17.07.2005, г. Тульчин.

Инф.: **Святелик Виктор Андреевич** (ВС), 1947 г. р., рус., краевед
Соб.: К.Викторова (КВ), О.Жиронкина (ОЖ)

ВС: Ну, конечно, на праздники евреев заведено, что там выходят люди – надо что-то дать. Но я (?) никому ничего никогда не давал вот это... Он и выдал свою дочку Нихому Юлию. А я говорил с одной женщиной, которая с ней в гимназии училась – еврейка у нас была, Гринберг. А ее, значит, папа был каким-то там тутошним управителем графа Сабанского. Он мне рассказывал про эту Юлию... (Пауза. Идут по улице) И вот эта церковь. Вот у нас здесь центр. Там кладбище было. На старых фотографиях Тульчина. Тут есть захоронения такие – кресты широкие. Не такие, как сейчас. Да-да, я такие знаю, широкие, хазарские (казацкие?) прямо я (?) их называю (?). Такие, как... в восемнадцатом, семнадцатом столетии были. (Пауза, идут по улице). Вот слева старый еврейский Тульчин. Вот эта самая пресловутая Капцановка. Она слева (?). Вот это старый Тульчин – мы идем по границе. Вот это новый Тульчин, это Тульчин Потоцкого. Справа. За центром (?)... вот мы ходили по этой улице. А... вот видите, а это здание – вчера (?) показывали им (?), да? Не показывали? (Нрзб) дом еще не видели.

ОЖ?: Какой?

ВС: Потом уже кидали (?), да. Пройдете по этой улице и вернетесь.

КВ: Что там за дом?

ВС: Ну, это типичный еврейский дом. Вот. Даже его видно...

ОЖ: А, тот? Да.

ВС: Да, они все-таки приезжают, туристы из Израиля к этому дому. Вот Капцановка. Вот там Тульчин, Тульчин богатых евреев. А это Воловóдка пошла сейчас – это украинский район.

КВ: Где?

ВС: Вот этот. Вот этот, да? Капцановка вот, перед нами. Это Капцановка. Она большая. Тут была русская Капцановка.

КВ: Русская Капцановка?

ВС: Да, так называлась – Русская Капцановка. И у нас было кладбище староверов. По документам нигде не проходят. Очевидно, их немного было. Это я взял из архива после сорокового (?)...

КВ: А кладбище староверов где было?

ВС: А кладбище было староверов в самом углу. Вот так вот выйдем сейчас. Горы, они, горы так сверху над Тульчином нависли, холмы. В самом углу было кладбище. Староверов было кладбище, с той (?), самоубийц, староверов, потом еврейское, протестанское, мусульманское, кладбище лошадей.

ВС: Мусульманское?

ВС: Да. Пантеон народов называется. Мусульманское откуда бралось? Ну, во-первых, у нас большой процент всегда торгашей – сейчас тоже есть. Армяне, азербайджанцы... но армяне – христиане. А приезжают там тур... турки были у нас. Магазин турка был. Вот, торговали. Это одно. Второе... Была, была русско-турецкая война тысяча восемьсот семьдесят седьмо... семьдесят восьмого года, где русские победили. Брали пленных турков. Использовали их на каких-то там работах временно. Часть оставалась там, умирала...

Ж: А говорили, что подземные ходы. Вот весь Тульчин, значит, самый... с улиц просто подземными ходами.

ВС: Да, особенно та часть, по которой мы идем.

Ж: Так вот нам сказали, что... тут были татары и турки, ну по преданиям...

ВС: Да это чепуха. Да это бред сумасшедшего. Татарам-туркам копать – им что, делать нечего? Копали исключительно, копали исключительно местные жители. По летописи Величко турки пришли в Тульчин в 1674 году. Вот они штурмовали в соседний Лобежин в тридцати километрах от Тульчина. Там погиб сам султан. И подполковник Мурашко, ставленник русских – по пьянке убил этого самого султана. Ну, султан подошел. Трехсоттысячная армия. Вот Лобежин на котлеты. Потом порубили всю Украину, в том числе и Тульчин. Об этом пишет Крайсин (?). Пишет, что 1674 год. Больше никаких турков... идем прямо... пойдете сюда. Сюда, прямо. Вот это территория замка. Вот это территория Первой школы. Мы точно (нрзб) территория его замка. Тут был костел. Тут был монастырь. Потом старая... старый рынок, старый базар. Вот это – сердце Тульчина исторического. (Идет по улице).

КВ: Капцанивка – это самый старый район?

ВС: Нет, это не самый старый район. Я считаю, что самый старый район – это украинский. Зато там Воловодовка, что я вам показывал, и дальше туда на запад, район, где я живу, этот район называется Ямки. Там жили гончары. Но, очевидно, это самый старый район – украинский. Потому что евреи, поляки этим не занимались. Вот там были первые ямы, первые ходы. И там такие есть ходы, что дома туда проваливаются. Вот. Добывали глину там. Потоцкий там сделал кирпичный завод, когда строил дворец. Дворец, церковь – все из местного кирпича. Потоцкий сделал завод. А потом с этого завода начал делать разные здания.

М: А скажите, вам про рэббе Боруха что-нибудь рассказывали?

ВС: Ничего не рассказывали. То, что в книжке написано – больше я не знаю. У нас для евреев вообще рэббе Борух – это такая же сказка и... не знаю (ют?), кто такой рэббе Борух. (Идут).

КВ: А когда примерно вот прекратилась вот это... расс... когда ну... с какого времени можно было сказать, что вот это еврейский район, это – украинский там...

ВС: Ну, видите, даже при советской власти, в годы моего детства тоже были улицы, которые в основном были заселены евреями. Но уже топография расселения поменялась. Потому что связано было с транспортом. Главный транспорт какой был раньше? Это были лошади. Если сейчас что ж ставят при въезде в город? Ставят заправочник. Или там какие-то мастерские, чтоб обслуживать вот эти машины, да? А раньше – тоже. Но раньше были кузнецы. Так вот кузницы в основном были еврейские. Были, конечно, и украинские. Они где селились? Там, где выгодно. То есть при въезде в город. Вот эти места, уже абсолютно исчезли, они. Вот. А базар остался. Там где торговля. Там евреи оставались. Оставались и остаются по всему лишь (нрзб). Сюда.

КВ: А вот ваши знакомые, может (?), ваши знакомые, которые уехали в Израиль, евреи...

ВС: Что?

КВ: У вас много знакомых, которые уехали, евреев, да? Они звонят?

ВС: Ну а то. Конечно, звонят. У нас встреча была...

КВ: Встреча?

ВС: Выпускников нашего класса (нрзб)...

КВ: Да, вы говорили.

ВС: Мало приехало. Мало, но так... приезжают потому что. Встречаемся. Говорят. Ну вот... еще встречаются по (нрзб) кое-где. Тем более, что Мише, наверное, не хватает в культуре. Если в Америку попали, то Америка там... говорят, что все почти (нрзб)... а Германия, в которую наши поехали – они оттуда драпанули в Израиль. Говорят – а че мы... они говорят – мы там не выдерживаем. А что такое, говорит? А у них рабочий день начинается в шесть утра. Это целый рассказ рассказывали. У нас приехал к своему другу, который давно уже живет в Германии. И в полшестого подъезжает машина, и немцы начинают – сейчас будет налево – немцы начинают разгружать кирпичи. Он говорит – почему же немцы – я не понимаю. Говорит, в полшестого они уже работают, кирпичи разгружают. Они говорят – а ты себе представь, что эту машину еще до этого нагружали. Рабочий день начинается в шесть утра. Садики, школы, предприятия, все работают с семи утра. В шесть они уже чвалают на работу. полпятого они уже отдыхают. Все. Полдевятого они ложатся спать. Ни звука чтоб не было. А наши в полдевятого только начинают интенсивно жить. (Смеется). Там очень четко. Немцы – они очень законопослушны. Они ябеды большие. Они – чуть шо – звонят в полицию. Полиция – это не наша милиция. Она сразу является. А если ты там какой-то криминал или что там – очень не любят наших азербайджанцев, грузинов. Ну советских, русских. Они у них все русские. Для нас-то это разное. А для них это все вме... (?). Если что – наручники на руки, за границу, энергичный пинок в зад и до свидания.

КВ: То есть они не приживаются там?

ВС: Говорю (?), что будем спать. – Да, будем. Я говорю – выключите, пожалуйста, свет в коридоре. – Я сегодня не могу, сегодня суббота. Вот вы можете, а я не могу.

(Конец записи)

Tul_05_063_3

19.07.2005, г. Тульчин.

Инф.: **Святелик Виктор Андреевич** (ВС), 1947 г. р., рус., краевед

Соб.: К.Викторова (КВ), О.Жиронкина (ОЖ)

ВС: Здесь колхоз действительно был...

КВ: А что значит – городской колхоз?

ВС: Чем занимались – они пепел собирали из риги (?) (Смеется)

Ж: Пепел?

КВ: Какой пепел?

ВС: Я (нрзб) читал... из (нрзб) почему она... «Тульчин»? Что одна еврейка собрала очень много пепла. И сдала. На удобрение...

КВ: Какой пепел?

ОЖ: А для чего пепел?

ВС: Пепел. На удобрение.

КВ: А, о господи. Они по городу просто ходили и собирали?

ВС: Ходили, собирали пепел.

КВ: А он был еврейским? Они так и назывался еврейский?

ВС: Колхоз?

КВ: Да.

ВС: Да. Он назывался еврейский. Вот как его название было это самое – я не помню.

КВ: Вот нам сказали – «Ленинский призыв» (нрзб)...

ВС: Если... вот это такое есть, наверное.

КВ: И...

ОЖ: А в каком году это было?

ВС: В тридцатые годы.

ОЖ: В тридцатые?

ВС: Точно я не скажу вам. Потому что...

КВ: До войны прямо?

ВС: Да.

КВ: ...пробовали...

ВС: Архивы я не смотрел. Но в тридцатые годы – я читал газету... у нас была «Червона Тульчинщина», и там я наткнулся на упоминание еврейского колхоза.

КВ: В газету... эту вот засматривала...

ВС: У нас ее нету. Эта газета, она только есть в винницкой научной библиотеке. У них там очень хороший фонд газет, начиная с тысяча девятьсот девятнадцатого года. А в Каменце-Подольском еще и раньше есть. там более обширный фонд. Вот. А все районные газеты, все городские газеты у нас хранятся в Виннице. Потому что в нашей редакции газеты есть. Но у них архив только послевоенный.

КВ: А еврейская газета тут была?

ВС: Я не знаю (нрзб)...еврейская была... Вообще еврейская газета была у нас. ну об этом пишется в истории. Но то я выпускал... там очень часто цитируют еврейскую газету. Но это идет восемнадцатый год. Возьмите историю. «Сто еврейских местечек», там постоянно ссылаются на еврейские газеты.

КВ: Вот местная именно, городская?

ВС: Нет. Районные (?). В семнадцатом году были городские газеты, но это были газеты... это были газеты-однодневки. Так что я не могу вам ска... может быть, было... мы этого не знаем. И вообще архивы тех газет – сохранился только в Каменце-Подольском. Семнадцатого года. В Виннице, в Виннице такого нет. а там я не работал, к сожалению я не могу вам сказать. Что-то, может, и выходило. Вот у нас недавно тоже наш... горсовет выпускал газету. Вышло пять номеров, и прекратили. Ну такие... чтоб она играла большую роль...

ОЖ: А на каком языке она вот выходила? Вот сейчас...

ВС: Ну наша выходила... сейчас, конечно, на украинском языке. Не на еврейском же (?).

КВ? А мы хотели еще спросить вас вот... нам нужна статистика населения по... национальный состав...

ВС: Сейчас?

КВ: Нет.

ОЖ: Тридцатые, послевоенные...

КВ: На самом деле просто все, что есть.

ОЖ: Да, где-то это можно достать...

ВС: Откуда я знаю?

КВ: Начи... начиная там... может быть... ну вы работали вот в... вот этим не интересовался...

ВС: Нет, я статистикой не занимался. Статистика вообще дана в этой истории – «Сто еврейских местечек».

КВ: Да, но там как бы мало совсем.

ВС: А там... не знаю... да никто этим не занимае... мне кажется, что при советской власти этим никто не занимался. (Нрзб).

КВ: Были переписи вот, например?

ВС: Переписи были. Но был ли по национальному признаку – трудно сказать. Мы же (потому что?) все были советские люди.

КВ: Но при со...

ВС: Если говорить про неофициальную статистику, то... евреи – где-нибудь процентов шестьдесят было в Тульчине.

КВ: Это в какие годы?

ВС: Ну вот в довоенные годы.

КВ: Шестьдесят...

ВС: Да. И даже послевоенные – было... очень большой процент. Городского населения. Но чтоб там кто-то их считал отдельно... (нрзб) были все советские люди. Кто их будет считать?

КВ: Но советские же переписи отражали национальность.

ВС: Возможно. Но я не думаю, что это ходили и кричали на всех перекрестках. Может быть и есть – я вам об этом ничего не скажу. (Нрзб)...

КВ: Как вы думаете, куда вот эти... статистика могла поступать. В какую вышестоящую инстанцию сначала.

ВС: Трудно сказать. Тогда партия всем руководила. Если... проводились такие...

КВ: То есть райком, горком...

ВС: Возможно. Но это все шло наверх. Мы же где-то, скорее всего, если такие есть сведения, то скорее всего их в Москве надо искать.

КВ: Не, в Москва-то – уже там посчитано по району там, вот так вот...

ОЖ: Там обобщенная статистика.

КВ: А вот могло ли быть...

ОЖ: А нам хотелось вот именно по...

КВ: А до войны... у меня, честно говоря, сложилось впечатление, что до войны тут евреев было процентов девяносто.

ВС: В Тульчине?

КВ: Что вот прямо все улицы были еврейские... да и...

ВС: Нет. Нет. Я думаю, что нет. Где-то процентов... трудно сказать, конечно. Видите, у нас это... есть статистика... а, вот... вам надо «История мист и сил УкрССР (?)». Там статистика есть.

КВ: История что?

ВС: Значит, в шестидесятые годы... у нас выходит такое многотомное издание, советское такое, ну хрущовское, крутое (?). История всех областей – такие большие кирпичи. И там оно отражало статистику. По крайней мере, она отражала... Но там, понимаете, как оно делали? Писало непрофессиональные историки. Руководили инструкторы райкома партии. Они набирали людей. Они получали архивные материалы. Там выделили большие деньги. Это было всё государственная программа. Вот у нас есть такой Бессонов. Он был инструктор райкома партии. И он этим занимался. Наняли они авторов. И сообща они писало это дело вот. В том числе они занимались и статистикой. Но там так. Могли отражать, могли не отражать. Про один населенный пункт могли больше написать. Про другой – меньше. То есть там... чем они руководились – не знаю. и очень многие исторические сведения, которые поступали в эти штабы, просто они не печатались. Потому что нужно было больше писать про колхозы, про надои, про урожай. Но во всяком случае – насколько мне позволяет память – что надо бы заглянуть в этот... у меня есть по Винницкой области. Понимете? Там, конечно, исторический материал – там не много, но он есть. И он отражает статистику. И вот, если память не изменяет, или там, или в другом месте – (нрзб) полторы тысячи поляков в семнадцатом году. Вот во время Гражданской войны. Тут ж и русские были. Тут же были и украинцы. Так что говорить, что евреи были девяносто процентов населения – это, наверное, преувеличение. Судя по этой вот истории еврейских местечек, мне кажется, что ни в одном местечке шестьдесят процентов не превышало. По всей видимости. Тем более, есть еще специфика Тульчина. Если вы заметили – Тульчин с трех

сторон окружен селами. У нас до революции было такое понятие «большой Тульчин». Потому что жители, которые живут в селах – в основном это украинцы. И они днем работают... приходят на работу сюда. Они живут у нас в городе или нет? как? Это такой... скользкий вопрос. Потому что он мост перешел, и он уже в селении Сельварка. Он перешел мост сюда, и он уже служащий, рабочий Тульчина. Или он там учится, допустим, здесь. Дети ходят к нам сюда учиться. Понимаете?

КВ: А в селах разве не было школ?

ВС: Есть школы. Но дело в том, что там были школы неполные. Или, может быть, родители хотели отдать сюда, потому что тут школы считались более престижными. Вот. По разным причинам.

КВ: И русская школа только здесь была?

ВС: Русская школа только здесь была. Так что вот такой вопрос очень скользкий.

КВ: (Просит посмотреть статистику. ВС объясняет, что нужно специально смотреть, так как он живет на двух квартирах). 7.53. Я когда поищу, я вам скажу. Потому что ни на чью память не надейтесь. Все люди ошибаются.

ОЖ: Конечно...

ВС: Лучше смотреть письменные источники. Какая та книга ни есть, но она историческая. Она основана на исторических уст... источниках. Если мы помотрим, может, вы оттуда что-то полезно почерпнете. Вы что, не слышали никогда о таком издании? История мист и сил УРС (?)... сейчас его хотят повторить. Это (?) с современных позиций.

КВ: А это, кстати, вообще очень интересно. Нет, я не слышала.

ВС: И по каждому, по каждой области выходил вот такой кирпич. И там были Тульчин и другие населенные пункты. Но там, правда, писали не историки. Писали дилетанты. Но, во всяком случае ездили в архивы. Деньги давали. Получали какие-то исторические, архивные сведения из Москвы, из Киева.

КВ: Ну, там, по крайней мере, может быть написано, где это... ссылки какие-то могут быть.

ВС: Там есть, там есть ссылочный аппарат. Дело в том, что редактировала когда Медкранькова (?) – это наш ученый. И требовали такие... требования были (?), чтобы там был какой-то научный аппарат, были ссылки. Так, как полагается. Энциклопедическое издание получилось (?).

КВ: Ну, здорово. А вот вы говорите – полторы тысячи поляков было...

ВС: Было. Они и сейчас есть. Просто они уже не признаются, что они поляки.

КВ: Не признаются...

ВС: Они есть.

КВ: Все полторы тысячи?

ВС: Полторы тысячи, да. Но они уже не поляки. То есть, они уже... ну помнят что-то там. Бабушка или кто там был поляком. На языке они не говорят.

КВ: Но... в католическую ходят церковь?

ВС: Кто ходит, а кто не ходит – трудно сказать.

ОЖ: А вы говорили, что вы преподав... преподавали или преподаете в школе, да?

ВС: Нет, я преподавал в училище культуры последние годы. Но в этом году я ушел.

ОЖ: В училище, ага...

ВС: Я сейчас не (нрзб)...

ОЖ: Вы преподавали историю, да?

ВС: Я преподавал историю искусств.

ОЖ: Историю искусств?

ВС: То, что мне дали, то я и преподавал.

ОЖ: А в школах вот... историки...

ВС: В школах я преподавал давно. В школах я преподавал в семьдесят четвертом году – сразу после окончания института. Я год преподавал историю всего лишь. Вообще я филолог (нрзб).

ОЖ: Да (нрзб)...

ВС: Я... шесть лет преподавал полсе... преподавал... института я.

ОЖ: А в... а вот историю сейчас в школах преподают по каким учебникам?

ВС: Это, это трудно сказать. Вы понимаете...

ОЖ: Там вообще рассказывают что-нибудь о Тульчине? Есть программа какая-то...

ВС: Конечно... должно быть. Даже в советское время говорили про Тульчин. Но говорили про Тульчин только потому, что здесь был... Южное общество декабристов. Сейчас к декабристам отношение двойственное. Потому что у нас многие люди кричат, что это были там оккупанты. Или там... не то... и сейчас учат они или нет, я не знаю. Ну, скорее всего, что учат. Вы, сейчас, понимаете, как сейчас получается: сейчас у нас идет в школе вот такое вот (?). Каждый год выходят новые учебники. И... раньше учебники были унифицированы. То есть выдали учебник, и по нему учился весь Советский Союз. Теперь даже по Украине везде сидят умные люди, которые хотят получить деньги, звания или хотя бы авторитет. Учебники – одни издают в Киеве. Другие параллельно издают в Харькове. В Виннице у нас издают. У нас есть краеведение. Там издают три автора. А потом уже учитель смотрит какой автор ему роднее.

КВ: А здесь вы преподава... преподаете краеведение?

ВС: Кра... краеведение я не преподаю.

КВ: Но вообще преподаете такой предмет?

ВС: Такой предмет есть, но мне его не доверяют. Наверное, думают, что есть более опытные люди. Которые лучше знают (смеется)...

КВ: Вообще сам Бог велел, чтобы вы преподавали...

ОЖ: А кто преподает краеведение?

ВС: Не... я краеведение не преподавал...

ОЖ: Молодые какие-то?

ВС: Нет. Есть у нас – как раз не молодой. Он бывший парторг, он проверенный человек. Краеведение у нас есть только в училище Культуры. Курс. Его преподают только для б... там есть отделение библиотекарей. А в школе краеведения отдельного курса нет. Правда, один года я преподавал. У нас хотели сделать гимназию на базе вот этой бывшей русской школы. Директрисса пригласила меня, чтобы я читал там курс краеведения. Вот я там факультативно год читал. Вот. А краеведение, оно в курсе истории. Я не знаю, как сейчас. Но вот когда я работал в школе, там выделяли такую тему – наш край там во второй половине пятнадцатого столетия.

ОЖ: Это одна тема была?

ВС: Нет, там тем много.

ОЖ: Много, да?

ВС: Но эти темы как? Это все темы в теме... в курсе истории...

КВ: В курсе истории. Понятно, да.

ВС: Вот мы учим, допустим, историю Украины. Ну, раньше учили историю СССР. Это в седьмом классе учили, да? То там давали определенное количество часов на краеведение. Которое, кстати, никто не читал его. Я тоже не читал его. Потому что я не знал, что это такое (?).

КВ: Не знали, что можно? Не было утвержденных программ в советское (нрзб)...

ВС: Нет, я не... не знал, что там...

КВ: Что бы вы не знали...

ВС: Яэтим не занимался. Это потом уже. Это ко мне пришло от языка. Я когда изучил польский язык, начали ко мне бегать и просить – прочитай, расскажи. Про Потоцких всем было интересно...

КВ: А, понятно...

ВС: Так и стал волей-неволей краеведом.

КВ: Понятно...

ВС: Вообще-то я филолог.

ОЖ: А вот те учебники, которые в Виннице издают, там есть какие-то вот о... там о селах или о каких-то городах Винницкой области...

ВС: О селах – разве что эти села очень такие... известные. А в основном там идет по районам. Но, конечно, о Тульчине там много.

ОЖ: Есть, да?

ВС: Да. Вот то, что мы учили, то, что мы знаем, вот...

ОЖ: А кто автор, вы не вспомните?

ВС: Автор – она преподает в Педуниверситете. Я не помню. Ковалева, по-моему, ее фамилия. Она преподавательница Винницкого Педуниверситета- там еще какой-то учебник был написан. Это в пятом классе у нас читают такую тему.

ОЖ: А пятом, да?

ВС: В пятом классе, да. мой край. Но а Ковалева – она сама не историк. Она географ. И у нее там превалирует там в книжке географическая тематика. А то, что она говорит там по истории, это, конечно, его надо поправлять. Потому что небольшой специалист.

ОЖ: А вы не можете назвать тех, кто историю преподает сейчас вот в школах украинских и русской?

ВС: Что? В Тульчине?

ОЖ: Да.

ВС: Фамилии вам нужны?

ОЖ: Да-да-да. Ну да. Если можно.

ВС: А зачем они вам нужны?

ОЖ: Ну, просто, чтоб знать.

ВС: Ну, я не помню фамилий сейчас. Я не знаю. У нас есть один Владимир Ювенальевич – я не помню его фамилии. Очень интересный человек. Он в Третьей школе преподает, бывшей еврейской. Он там создал краеведческий кабинет. Очень интересный.

ОЖ: Вот видите...

КВ: Владимир...

ВС: Ювенальевич. Я не помню его фамилии. Я не знаю их сейчас.

ОЖ: А его можно как-нибудь найти, нет?

ВС: Ну, вообще-то можно наверное, да. Потом есть – здесь недалеко учительница живет из Второй школы. Она считается хорошим историком. Как ее фамилия – не помню. Ну, здесь недалеко. Светлана Сергеевна. А фамилия – тоже я ее не помню. Я знал ее фамилию раньше...

ОЖ: Вторая школа – это украинская...

ВС: Вторая школа – украинская, да. она считается хорошим историком. Вот это два самых интересных историка, пожалуй.

ОЖ: Угу...

ВС: А зачем они вам?

ОЖ: Ну не знаю. прочто, чтобы знать, кто здесь преподает. Может быть, в какой-то момент посмотреть учебники, если будет время у нас. Для того, чтобы понять...

ВС: Ну, учебники, это надо...

ОЖ: По каким учебникам...

ВС: Учебники у нас часто меняются. Каждый год практически. Раньше этим... учебником вертели, как цыган (нрзб)... (усмехается). Каждый год издавали новые. Кто-то хотел заработать, наверное. Я не знаю. в общем там.

ОЖ: А вы знаете вот по тем, по тем старым домам еврейским, да, кто там раньше жил? Вот собственно кому принадлежал этот дом?

ВС: Нет. Это не все, конечно.

ОЖ: Не все? А какие-то знаете?

ВС: Ну, конечно, какие-то знаю. А какие-то я не знаю. Или... или... кажд... каждый дом я не могу вам сказать...

ОЖ: А можно вот сейчас прогуляться до тех домов, которые вы знаете... если вы вспомните...

ВС: А что, вам все дома нужны? И вас интересуют евреи, которые там жили когда? В советское время, в дореволюционное время. Когда...

ОЖ: Нет. До... до войны, после войны.

ВС: До войны, после войны?

ОЖ: Да. В советское.

ВС: Это вам лучше с какими-нибудь евреями поговорить. Это они лучше помнят. Вот даже вы возьмите Галину Иосифовну Могилевскую, она ходячий справочник, она вам все расскажет. Знаете такую?

КВ: Да-да-да.

ВС: Ну... она вам все расскажет. Кто где жил. Кто куда уехал. У нее муж был такой... директор школы. Он всех своих учеников помнил до одного. И она тоже помнит. Она как (?) справочник...

КВ: Так она ходячий справочник именно по евреям или она по... по всем.

ВС: Нет, она в Тульчине с пятидесятого года. и они... она все помнит. А кто... а с пятидесятого года если они тут были, так они... ну, конечно, я кое-кого помню, но...

КВ: Ладно, это мы тогда у нее спросим, действительно. Да?

ОЖ: Угу.

КВ: А я вот еще хотела спросить...

ВС: Это далеко – долго ходить надо... давайте какой-то другой раз пойдем. Я помню, где жили мои друзья. С которыми я дружил. У меня все друзья были евреи. Я вот тут так покажу всю... весь этот базарный околот. Если...

ОЖ: Ну, можно прямо сейчас...

ВС: Сейчас...

ОЖ: Сколько на это времени уйдет? Час?

ВС: Не знаю. Мне сейчас не... А что, очень надо? В другой раз не пойдем... я уже домой хочу.

КВ: Ну смотрите. Давайте в другой раз, конечно. Я хотела еще спросить про вот музей...

ВС: Давайте завтра сходим... вам не горит?

ОЖ: Ну... у нас есть всякие тоже договоренности. Мы же берем интервью. Поэтому...

ВС: Я понимаю. Но вы, вы в восемь вечера чего завтра делаете?

КВ: В восемь вечера у нас завтра семинар...

ОЖ: У нас семинар каждый вечер в восемь вечера.

ВС: Нет, у вас завтра семинара не будет.

КВ: Нет, завтра как раз будет.

ВС: Будет, да?

КВ: Это сегодня нет...

ОЖ: Это сегодня нет, сегодня перенесли.

ВС: Ну когда такое дело – идемте уже, покажу.

ОЖ: Идемте?

ВС: Так, еще какие-то вопросы есть?

КВ: Да. Я еще хотела спросить...

ВС: Спрашивайте...

КВ: Мы в музее видели... такая ведомость, видимо, до... советского... там написано... не видимо, а очевидно. Там написано... не видимо, а

очевидно досоветская, но непонятно, какого года. Там перечисляется – по Тульчину там какие заводы, какие вообще там частные предприятия...

ВС: Вот это вот эту историю...

КВ: Такое что-то, то-се, пятое, десятое...

ВС: ... мист и сил, и там указано все.

КВ: Так вот вопрос в следующем состоит – там вроде бы все как бы перечислено. При этом в разделе «Учебные заведения» там имеется два учебных заведения. А именно – Еврейское начальное мужское и Еврейское начальное женское. Больше там никаких заведений нет.

ВС: А когда это? Какое время?

КВ: Да вот там, к сожалению, непонятно, какой год...

ОЖ: Там первых страниц нет...

КВ: Понятно только вот, что до революции.

ВС: До революции?

КВ: Да. Причем это копия уже. В советской орфографии.

ВС: Нет. Ну это неправда. Потому что у нас было Епархиальное училище. Где учились дочери попов (?). У нас женская гимназия, у нас была мужская гимназия.

КВ: А не знаете, когда примерно, они открылись?

ВС: Опять – это вот История мист, потому что там есть. потому что я точно вам не скажу. Я же не компьютер, что могу точно...

КВ: Ну, понятно. Может... ну как вы думаете, может быть такое время, чтобы никаких школ, кроме еврейских, в городе не было?

ВС: Такого нет.

КВ: Просто не могло быть такого момента, да...

ВС: Вообще первые, первые школы у нас были... тогда ясно, что было (нрзб) (Вся фраза очень плохо слышна). Попов в Истории Тульчина, которая вышла в 1885 году, профессор, который лучше всех знал девятнадцатого столетия... в своих архивах – а архивы его сын передал мне – пишет, что учебные заведения были у нас частные. Были польские пансионаты. И первая школа – это уже по архивным документам. Потому что я работал в Каменце-Подольском в католическом архиве, у нас школа была создана при костеле польском. Значит, первые учебные заведения у нас не еврейские, а – которые мы знаем – а польские. Второе – когда начинается русское влияние – это конец восемнадцатого столетия – в Тульчине возникает училище, духовное училище. И... нет, духовное училище у нас было открыто с 1880 года. Это в Шаргороде было духовное училище. У нас еще (?) не было его ... Вот, в общем, первые известные сведения у нас о школах – это школа при польском костеле. Она... датировать можно ее... ту... там точно не указано, но где-то, наверное... у меня есть архивные выписки. Там можно просто посмотреть и сказать. Если вам точно надо... Это (нрзб)...

КВ: Ну, как... порядок... хотя бы примерно знать...

ВС: В конце восемнадцатого столетия. Небольшая школа, в которой учились не только поляки, но, судя по фамилиям, и украинцы. Там было учеников где-то... пятнадцать. Потом возникает частный польский

пансионат. Частные польские пансионаты возникают на улице Зоваль. Вот первый пансионат был такой Моржецкой, полячки. И где-то в 1850 году, пишет Попов, вот возникает русский частный пансионат Арсеньевой. Ну... В здании... вот где сейчас вот эта как бы главная церковь у нас сейчас большая. Так называемая... там, где мужской монастырь.

КВ: Большая?

ВС: Ну вот эта. Там, где памятник Суворову. (Нрзб) в Тульчине, большая она.

КВ: Подождите, она же была костел, нет?

ВС: Она была костелом с 1830 года. А пансионат открылся через двадцать лет. Когда она была уже православной церковью.

КВ: А-а...

ВС: А этот дом знаете?

ОЖ, КВ: Угу...

КВ: А про еврейские школы никаких сведений нет?

ВС: Еврейские школы – это будет... говорила моя соседка, что в ее времена тоже была. Что еврейская школа была там, где Первая школа. Но это для меня новость.

КВ: Но это советская уже школа?

ВС: Это – советская школа, да. А вот я слышал, что была еще еврейская школа до революции. Но это сведения такие... может быть, да, может быть, нет. Что якобы вот... здание, где сейчас... на территории Третьей школы. Возможно. Но это... я не собираюсь утверждать, что вот так. Конечно, что-то было там. Оно не могло не быть. Что раз была синагога, была и школа.

ОЖ: Ну что, мы пройдемся?

ВС: Ну идемте. А музей... знаете, что там был дом Розенталя?

КВ: Да.

ВС: Как его (нрзб)...

КВ: Которого дочь вышла замуж вот за этого...

ВС: Да. А дом этого... Гликлиха – самого жениха – вам показать?

КВ: Это где Шульц что ли?

ВС: Нет, это не Шульц...

КВ: А где?

ВС: Это вот здесь. Там дом – у нас жили первые секретари. Или вас такое не интересует?

КВ: Ну, покажите, конечно.

ОЖ: Покажите.

ВС: Дом (нрзб)... он невзрачный. Его реквизировали...
(Конец записи)

Tul_05_063_4

19.07.2005, г. Тульчин.

Инф.: **Святелик Виктор Андреевич** (ВС), 1947 г. р., рус., краевед
Соб.: К.Викторова (КВ), О.Жиронкина (ОЖ)

ВС: Стандартный еврей – это человек слова, в общем.

КВ: Да?

ВС: Да. Вот у меня в кооперативе был один еврей. Вот он сказал – вот с евреями я дело имею, а с нашими трудно. Наш сказал – это...

КВ: Ничего не значит...

ВС: Это да. Будет? Не будет? Эти слова ничего не значат. А еврей сказал – он сделал, да? Нормально...

ОЖ: А нестандартные...

ВС: А я с нестандартными дело не...

КВ: Нестандартный еврей, как стандартный украинец...

ВС: А так я какую-то... он так рассказывал историю своей жизни в этом... мы сжились (?) в общем...

КВ: Это вот который у вас работал...

ВС: Он у меня не работал. Но он так... пользовался мной...

ВС: Он сидит дома. А к нему приходит один деловой еврей из соседнего братства (?)... еврей этот маленького роста (?)... не очень такой... (нрзб)... надо, так надо, чтоб десять тысяч ты дал. – ну хорошо. Ну дает ему десять тысяч. Он говорит... вот он рассказывает, Марек. Он с моими деньгами поехал в Киев. Он там нашел знакомого – у нас тут знаменитый футболист был. Они пошли с моими деньгами в ресторан. Боже, что они там делали. И официантам десятки клеили на лоб. В общем, они пропили его десять тысяч. Так это сейчас, как десять тысяч долларов – понимаете? Это же (нрзб). Советские рубли такие, полновестные. Конец восьмидесятых годов. При Горбачеве. Вот. Ну, что делать. Он идет к его жене и начинает отнимать у нее... то колесо от машины, то телевизор. Ну так заведено. Что ж он там забрал (?). Она была женщина боевая. Она дала ему в ухо. Он упал на пол гаража. У него лопнула барабанная перепонка. Я своим ученикам люблю рассказывать эту историю и задавать вопрос. Вот у вас забрали десять тысяч. Вам голову разбили. Тогда он пошел к прокурору. Но это ничего не дало. Прокурор говорит – помирись, и все. Вот забрали деньги, разбили вам голову? Что вы будете делать? Как вы себя будете чувствовать? Вы себя как будете чувствовать – я вам тоже задаю этот вопрос.

КВ: Мы-то? Как?

ВС: Да.

КВ: Плохо.

ВС: Плохо. А она говорит – и это ж хорошо. Типичный еврейский (нрзб) – это ж хорошо. – а что ж хорошего, Марк? То, что деньги забрали, то, что ухо лопнуло – это чепуха. Но я вижу, где можно деньги заработать. Он узнал, где они собирались подоить государство. Фокус заключался вот в чем: в конце года на больших предприятиях скапливались большие деньги. Сотни тысяч рублей, которые можно было щипануть – вот еврейская голова, она знает это вот. Где-то там, не здесь, а Днепропетровске. А как он далеко видит. Какие горизонты у него. В Запорожье, в Днепропетровске сидит директор завода и думает – как мне эти деньги хапануть? Он не знает. Он, говорит, знает, сидя в Тульчине. Марек (нрзб). Он приходит и говорит.

КВ: К директору...

ВС: К директору, да, большого комбината. Там где-то в Днепропетровске. – Вам таблички надо? Тот говорит – вообще-то не помешало бы. – Ну, так в чем дело, говорит, сделаем... все. Они подписывают договор на сто тысяч. Вот. В чем заключается фокус? Надо сделать таблички, которые там... «кабель», «не копать» - знаете вот. Эти таблички можно везде ставить. Их можно нигде не ставить. Их никто не считает. Поставили – о, смотри, а уже украли! Ты см... а мы же здесь сколько табличек поставили. Понимете, вот? В общем, надо сделать таблички. Они подписывают договор на сто тысяч, и этот Марек делает этому заводу таблички. И за это завод ему платит сто тысяч. Он берет этот договор. У него жн ничего нету, кроме еврейского нахальства. Но голова как работает у человека! Учиться надо. надо ему дефицитный тогда дюралюминий для табличек. Ну, знаешь ли, где-то в Бершеде, восемьдесят километров от Тульчина, сидит еврей – тоже хочет заработать. Он знает все. У него все учтено. Он едет к нему и говорит – слушай, Нема. Здесь такое дело. Мы можем с тобой заработать. Дай мне дюралюминий. – Хорошо. Вот он выписывает дюралюминий. Потом надо ему делать таблички. Он никогда их не делал. Это для вас загвоздка. А для него это плевый номер. Он идет в деловому (?) и говорит – Вова, как ты поживаешь? – Ой, ты, Марек, ты знаешь, я так плохо живу. Тут, понимаешь, такое дело. Я шелкографию развернул. А эта сволочь пьяная удрала от меня. Там девчонка. Она сама погибает. Марек, ты умеешь делать шелкографию? – Конечно. так ему только и надо, потому что он хочет узнать, как эта шелкография делается. Вот. Он идет, изучает этот процесс, вот. На полиграфии (нрзб)... Вот этот весь район был его. Тут ворота были. (Нрзб) мне рассказыва. Старый партизан сидит (?)..

КВ: (Нрзб) Гликлиха, в смысле?

ВС: Вот это дом Гликлиха. И тут жили все наши первые секретари райкома. Он такой навзрачный, видите?

КВ: А его и не видно почти. Там сейчас кто-то живет? Нельзя зайти?

ВС: Этот дом – жила семья первого секретаря райкома партии. Они его продали. Переехали в Винницу. Секретарь райкома умер. Не выдержал событий этих...

ОЖ: Да, не видно почти совсем. А какой здесь адрес? Этого дома... а что это за улица?

ВС: Господь его знает. У нас в Тульчине во всех (нрзб)... сейчас посмотрим, какая тут улица.

КВ: Ну ладно. Это мы, может, и сами...

ВС: (Нрзб) следующий дом.

КВ: Ну так и что, десять тысяч-то?

ВС: Его мазать (?) надо, да?

ОЖ: Ну, так, чтобы знать, где это находится, чтобы дойти нам самим. Плохо еще знаем-то...

ВС: Вот... короче говоря, он изучает глубоко этот процесс. Он же сам работать не будет. Он находит украинского Ивана. Находит какой-то сарай.

Ставит его и говорит – Ваня, ты будешь эти таблички делать вот так. И этот Ваня, матеря этого проклятого жида последними словами, шлепает эти таблички за 300 рублей в месяц, которые он нигде и никогда не заработает. Так, это Чкалова – это, наверное, какая-то другая улица. Независимости или что... Чкалова начинается. Улицы поменяли названия. Трамбацкого... что было Пятьдесят лет Октября.

КВ: А вот этот дом тоже еврейский?

ВС: Нет, это не еврейский.

КВ: А, нет.

ВС: Это – директор Второй школы... жил тут. Вот. Шлерали эти таблички. Значит, надо ему теперь деньги пропустить – он идет ко мне. А у меня кооператив. А он тогда не имел права через банк эти деньги пускать. Вот. Он мне платит там определенный процент. И все у него есть. все довольны. Он получает деньги. Он высчитывает ему за алюминий. Тому рабочему за работу. Этому... мне процентовку за то, что я деньги через банк пропустил. Вот. Едет на завод. Ложит десять тысяч или сколько там они договорились с директором на стол. Взятку дает ему. Все довольны, все смеются. Если бы он этого не делал, эти деньги пропали бы. Потому что их просто списывали в конце года. Во голова у человека.

КВ: И он берет эти деньги и на них ездит в Израиль...

ВС: Да, он сейчас уехал. Не, так он сначала тут жил хорошо. А теперь он куда-то выехал. Наверное, в Израиль.

КВ: Ясно.

ВС: Комбинативное (?) мышление.

КВ: Какое?

ВС: Комби... комбинаторное. Наш бы никогда не додумался. Откуда узнаешь это? Кто где сидит и кому чего надо.

КВ: А этот-то откуда знает.

ВС: «А я х... а я хожу всегда с книжечкой, я смотрю так и думаю: тут можно то сделать, тут можно то сделать... (нрзб)».

КВ: Но не все ж евреи такие.

ВС: Что, спросить, какая улица...

ОЖ: Ну да, можно.

ВС: Пидийды сюды на хвылиночку, малец. Яка вулиця у вас?

М: Рыбацкого.

ВС: Рыбацкого, а цэ який следующий номер? Не зна... А у вас який номер?

М: Семь.

ВС: Семь, значить, то дэвять, да? Ясно.

ОЖ: Это Гликлиха был весь район, вы сказали?

ВС: Вот так вот, вот его усадьба была. Не так район весь (?). Большой очень участок.

КВ: А нельзя же было землю...

ВС: Вот там, где гостиница – все было Гликлиха. Парк у него был.

КВ: А нельзя же было землю покупать.

ВС: Не знаю.

КВ: Его участок-то...

ВС: Нет, нельзя было в селе занимать землю. А как же ж... а тут же дома на чем стояли они, вот.

ОЖ: А у вас кооператив какой был?

ВС: У нас кооператив был – мы занимались э... музейными работами. Делали такие комнаты. В общем... я художников пособирал. Вот. Ну мы делали там кабинеты учебные, музеи.

ОЖ: Оборудовали, да? Оформляли...

ВС: Художники, да... такие вот...

КВ: Интерьер...

ВС: Интерьеры делали, да.

КВ: В этом музее тоже делали?

ВС: В местном музее тоже мы ремонтировали.

КВ: А в музее когда вообще... экспозиция сформировалась?

ВС: Экспозиция тульчинского музея сформировалась в основном еще в двадцатые годы. Тут был Зборовский. Такой очень известный ученый-этнограф, который занимался пысенками. Вы знаете, что такое пысенки – это расписные яйца. Вот Зборовский писал об этом статьи. И сейчас в Харьковском историческом музее коллекция Зборовского считается там едва ли не лучшей. Вот всяком случае нам письмо приходило из Харькова. Они просили, чтоб мы чего-то им там сказали про Зборовского. А мы о нем сами первый раз слышали. Вот.

ОЖ: Но он уже появился не в таком виде, как сейчас...

ВС: Что?

ОЖ: Не в таком виде, как сейчас.

ВС: Сейчас я расскажу. Музей оформился в двадцать седьмом году...

КВ: Открыли, да?

ВС: Да. Нет, его и раньше открыли. Потому что Зборовский до этого был. Но его официально открыли уже в двадцать седьмом году. В этом здании. Потому что в самом здании... когда отобрали у Розенфельда, это был штаб знаменитой Сорок Пятой дивизии Якира, которая воевала с несколькими странами, держала фронт семьсот километров. И у которого были были два комбрига, два знаменитых бандита – Нестор Махно и Григорий Иванович Котовский. И Мишка Япончик тоже у него. Знаете Мишку Япончика? Он тоже воевал. Тоже в Сорок Пятой див... ну это глава одесских бандитов. Вот. А штаб тыла был в Тульчине. Как раз в доме Розенфельда. Газету выпускали здесь, и тюрьма была в подвале. А потом, когда создали музей... так поскольку Тульчин был центром округа, то свезли от местных помещиков очень много вещей уникальных. Например, каменка в Молдавии – ну от нас где-то километров, может, сто-сто двадцать – там было имение Вишевских. Генерала, декабриста Вишневого. Вот забрали вещи у него. У Потоцких – что там было – позабирали. Был очень шикарный музей. Ну его во время войны по... ограбили, вывезли все. Так что его создавали после войны уже по второму разу.

КВ: И вот где-то к годам пятидесятым...

ВС: Что?

КВ: К годам пятидесятым...

ВС: Да, в годах пятидесятых.

КВ: И с тех пор – я так поняла – ну вот мы походили там... и с тех пор – я так поняла – его не меняли (нрзб)...

ВС: Ну его, конечно, не меняли. Не, но сейчас советскую экспозицию выкинули, наверное уничтожили ее. Несколько экспозиций там (нрзб) отдали под картины там... Ну, как раз сегодня с вашим руководителем... ну с руководителем вот с вашим... Хаймовичем Борисом ходили туда...

КВ: В музей ходили?

ВС: Да. Ходили и толковали с ними, что не мешало бы сделать еврейскую экспозицию, раз у нас большинство жителей евреи были в городе. Четыреста лет это продолжалось. А тут ничего нет.

КВ: Меня поразило, что в музее вообще эта тема не упоминается...

ОЖ: Ни слова...

КВ: никак...

ВС: Запрещена была при советской власти...

КВ: Просто не было вообще... Ну и что вы потолковали, и чего они там сказали-то, музейщики?

ВС: Ну что будем делать. Ну это мне придется все делать. Это я приехал в Сороки в Молдавии...

КВ: Сороки?

ВС: Сороки. Есть такая город-крепость. Там огромная крепость, колоссальная. Очень (?) исторический город. На границе он с Украиной. И там музей. Я захожу в музей – там такие красивые женщины сидят. Ногти у них – все в порядке, блестят. Прямо это их очень самое... снимать в кино. Я начал задавать вопросы. Смотрят – луп-луп. А это вам надо Колю. – А где Коля? – А у него жена заболела, он с ребенком сидит. Сейчас мы вам Колю найдем. Нашли Колю. Точно, Коля на все мне ответил, все рассказал.

КВ: Ну, а женщины – удовольствие. Музейное (нрзб) красивое.

ВС: Ну, конечно. ну там... приманка. Как и у нас. Ну, они там... может, не сказать, что они такие шикарные, но... (нрзб) иметь дело с ними...

(Конец записи)

Tul_05_063_5

19.07.2005, г. Тульчин.

Инф.: **Святелик Виктор Андреевич** (ВС), 1947 г. р., рус., краевед

Соб.: К.Викторова (КВ), О.Жиронкина (ОЖ)

ВС: (Нрзб) так что я вам сейчас... там...

КВ: Вы тоже в театр играли в детстве?

ВС: В театр?

КВ: Да.

ВС: Нет, мы не играли в театр в детстве. У нас был театр вот здесь. Кстати, у нас был еврейский театр здесь.

КВ: Еврейский театр был?

ВС: Да. но... он еврейский был в том смысле, что хозяин был еврей.

ОЖ: Угу... а в какие годы он был?

КВ: Не в советское время?

ВС: А в советское время там, конечно, еврейского не ставили. Там ставили пьесы, но, конечно, такие, наверное, патриотические или классиков...

КВ: Это до революции еще был театр еврейский...

ВС: До революции, да. А еврейского театра-то у нас не было.

КВ: А кто играл в нем?

ВС: Комсомольцы. А вот комсомольцы на девяносто процентов были евреи.

КВ: Да? А почему?

ВС: Ну... понимаете... к этому много причин. Все евреи, особенно молодежь, были недовольны существующим порядком вещей. Они были недовольны, что была черта оседлости, что они не могли поступать в высшие учебные заведения, что были еврейские погромы. Поэтому, когда началась революция, то очень много еврейской молодежи – это все-таки молодежь сравнительно с украинской молодежью в среднем-то была более грамотная, более умная, хотела занять свое место в жизни... городская. И вот ЧК и Комсомол формируются на Украине – девяносто процентов из евреев. Хотя и страдали евреи в первую очередь, такие, как Гликлих, такие, как Розенталь. Страдали они не только от еврейских погромов. Они страдали и от конфискаций советской власти. У меня есть выписки из документов. Вот такую бумагу дали. Одежду выдали для Красной армии – да это тот же самый грабеж. Только узаконенный. Там вот столько-то, там вот столько-то по списку и по про... м...

КВ: Разверстка?

ВС: Да, типа разверстки. У нас Ревком был – все в еврейских домах. Но я сейчас, правда, не могу показать этих домов, я не помню. Вот... Ревком менял (?)... бюрократия сразу с первых дней советской власти сильнейшая. Все забрали еврейские дома. Вот это дом Гликлиха за... забрали. Что, он такой шикарный? Нет. Дом, как дом. Забрали его. А человеку (нрзб) на улице. (Пауза, идет по улице).

КВ: Вот сюда мы договаривались (?) (нрзб)...

ВС: Это самый еврейский район. Ну тут стояли вот заезженские (?). И как пишет Горький, в каждой щели сидело по человеку. Семьи были бедные и очень большие.

КВ: В каждой чем?

ВС: В каждой щели сидело по человеку. Сейчас многие из этих домов и живут в квартирах вот. Вот Каретник, например. У вас, по-моему, записана такая фамилия...

КВ: Каретник... слушай, мы не позвонили Каретнику. Вчера и сегодня не позвонили...

ВС: И сын Каретник. Папа, папа. Не Олег, сын, а папа. Он лет на пять старше меня. Я его еще помню, когда он тут... парубком был... (одновременно КВ и ОЖ обсуждают, что надо позвонить информантам). Вот Тираспольский Николай Наумович – большой любитель жалоб (?). Знаете вы его?

ОЖ: Да.

ВС: Вот он единственный. Это последний из могикан остался, друг детства моего. Мой дом был рядом с них. Вот его дом напротив. А он сейчас и лучше... а сейчас мы его...

ОЖ: А мы с ним ходили уже...

ВС: Да? Ну так чего вы... я вам то же самое скажу...

КВ: Нет, мы совсем другое...

ВС: Или по другим вопросам с ним ходили?

ОЖ: Да.

ВС: Сейчас мы его захомотаем. Мы поговорим (?) с ним. Вот видите – вот это еще второй заезд который остался...

ОЖ: А, еще один...

ВС: Да... ну такой, он небольшой, но все-таки заезд (нрзб) рядом с рынком там. Он просто на главную (нрзб) выходил. (Зовет Н. Н. Тираспольского).

Tul_05_063_6

19.07.2005, г. Тульчин.

Инф.: **Святелик Виктор Андреевич** (ВС), 1947 г. р., рус., краевед/
Участствует также **Николай Наумович Тираспольский**.

Соб.: К.Викторова (КВ), О.Жиронкина (ОЖ)

НТ: Ну я тоже врот вот этот вот самый... (нрзб)...

ВС: А Гриша где делся? Его сын, Коля, ты не помнишь? Гриша где делся. Он у меня был...

НТ: В Перми, в Перми.

КВ: В Перми? А вот этот дом на одну семью?

НТ: Нет, нет, тут т... четыре семья есть.

ВС: Многосемейный...

ВС: Петрогалисы (?) жили там наверху, да?

НТ: Кушнир...

КВ: Кушнир...

НТ: Вот тут жил...

ОЖ: А это считается какая улица?

НТ: Спартака.

ВС: Спартака, да.

ОЖ: Спартака?

НТ: Вот, он, Витя, с нами жил.

ВС: Да, вот тут был дом где я... где я жил.

НТ: Витин д... тут Витин дом был. Андреича... видите (нрзб)...

ВС: А тут был какой-то, как заезд, тоже. Вот эта база, да?

НТ: Вот, где Сеня жил... Подвалы...
ВС: Не-не-не, вот с этой стороны.
НТ: А, вот с э... ну здесь, где Соломон вино продавал...
ВС: Мы с Сеней жили по сути в одном доме.
НТ: Да, в одном, конечно, да.
ВС: А там такой был заезд, дорога (?)...
НТ: Где склад был, помнишь?
ВС: Да, склад был, подвалы. Явно, что дом такой был...
НТ: Да-да-да, дом...
ВС: ...дореволюционный. Но вот это сняли.
НТ: Все снято.
ВС: Вот его, а вот – мой дом.
НТ: Вот, а тут было...
ВС: Вот это дом Бейкеров (Гейкеров?).
НТ: А вот тут дом... было, как я вам... я вам лучше с той стороны покажу. Девочки, помните? Вот тут синагога когда-то была, но это не была она как...
ВС: Какая синагога?
НТ: Не синагога, но вот где нанимали...
ВС: Тандлер (?) говорил, что тут жил ювелир.
НТ: Вот тут, да? Да-да-да...
ВС: Он просто сдавал ее. Это Бейкеров (Гейкеров?) дом. Это он... Марек тут жил (нрзб).
НТ: Тут все... в Москве живет, кстати. Мало, в Петербург...
ВС: А Херш... а, Хершберг еще был тут...
НТ: Вот тут, да.
ВС: Ну это такая немножко...
НТ: В Австралии живет. Интересно было, да, Вить?
ВС: Да.
НТ: Давно тут не был?
ВС: Нет, я все время тут.
НТ: Проходят, да, воспоминания. Вот тут мы всегда играли, помнишь, Вить?
ВС: Да, все время играли здесь.
НТ: Взяли, сняли... уже десять лет стоит этот недостроен (?) Устроили здесь свалку тульчинскую и больше ничего.
ВС: Свалку, туалет и сборище для бомжей.
НТ: Да, сборище для бомжей.
ОЖ: А что, есть бомжи?
НТ: Конечно. А что? Господи... осторожней...
ВС: И мы тут играли, вот тут вот мы...
НТ: Тут наше все детство прошло. Тут был двор такой. Я... Вы с той стороны проходили, помните? После этого...
ОЖ: Да-да-да.
КВ: А по улице Ленина ходили гулять по вечерам?

ВС: Да... не, а там люди постарше, молодежь там не ходила...
КВ: Постарше...
НТ: А вот этот дом вот – лавочки (лавочки?) стали вот...
ВС: Вот здесь вот. У нас, у нас, понимаете, вот – Коля подтвердит – что вот это, тут уже граница была для нас. Туда мы уже не бегали...
НТ: Туда мы редко ходили.
ВС: Вот здесь вот... вот это замкнутый был район, днем и ночью тут, день и ночь...
КВ: Назывался как-нибудь...
ВС: ну спра(нрзб)...
НТ: Базары...
ВС: Базары.
НТ: Тут еще Шурик жил, который сейчас в Австралии.
ВС: Вот это тоже часть...
НТ: Но это не этот домик, тут был еврейский домик.
ВС: Да, тут еврейский домик...
НТ: Помнишь, когда война была? А я помню, дверь еще...
ВС: Ну такой, как большой сарай, грубо говоря.
НТ: Да-да. А помнишь, я помню – дверь еще была. И там голова тигра был... не тигра, льва. Ну прямо была...
КВ: Вырезана что ли?
НТ: Вырезана, да... вот, где мы проходили, там я показывал вам двери.
КВ: Да, пока...
НТ: Ну наподобие вот таких дверей там было...
ВС: Вот тут еврейские дома... Тут Швэйки жили – не помню...
НТ: С левой стороны
ВС: А тут Моринские...
НТ: Моринского слева этот дом... а вот это вся (нрзб) – жил директор школы, вот.
ВС: (Нрзб) лавочки – директор школы тут жил. Тоже еврейские дома.
НТ: Уже сняты.
ВС: Вот. Петр Зальцман, кто...
НТ: Уже все-таки бывает весенние... (смеется) весенние тоже...
ВС: Он сейчас в Киеве или Укр...?
НТ: В Америке.
ВС: В Америке, да?
НТ: Бывают весенние тут (нрзб), потом стихи писал.
ВС: А Гриша где жил?
НТ: Гриша прямо. Забыл? Что с тобой делать?
ВС: Я помню, но я туда не ходил.
НТ: Вот там же. Ну как...
ВС: С той стороны...
НТ: Вот прямо вход был этой... а тут кто жил? А ну-ка вспомни...
ВС: Евреи.
НТ: Конечно, правильно. Вот еврейский... Людоед, помнишь?

ВС: Ну, где-то там...
НТ: Дармо... мы его Людоед называли. Унас у всех были... Людоед...
вот Людоед же тоже жил...
ВС: Он где-то в Америке...
НТ: В Москве сейчас живет.
ВС: (Нрзб) яблоки (?) просто.
ОЖ: Почему людоед?
НТ: Нет, почему...
ВС: А кто еще?
НТ: Ленин...
ВС: (Нрзб) А Саша Ленин на квартире жил...
НТ: Ленин был... у?
ВС: Они на квартире тут жили.
НТ: Не, подожди, подожди. Тут чего-то не один...
ВС: Это только квартиранты были здесь. Потом это, как его...
преподаватели тут жили...
НТ: Да, да. Это не один был, Витя. Не один был.
ВС: А кто еще? Потом уже поселились здесь, позже.
КВ: Ленин – это что, фамилия?
НТ: Ленин был – фамилия. Он умер, кстати. Знаешь, Вить?
ВС: Знаю...
НТ: Саша Ленин.
ВС: Спился и умер...
ОЖ: Почему Людоед?
ВС: Зубы большие...
НТ: Ну, зубы большие у него. Так мы его назвали Людоед. Дармоед
назвали Людоед-Дармоед.
ВС: Это не твоя мама его так окрестила?
НТ: Мама его окрестила – Дармоед его называла. Ну, знаешь, как...
ВС: А вот это... а вы к Поле (Коле?) не заходите? К Поле (Коле?)? Были
у Поли (Коли?)?
ОЖ: Да.
ВС: Поля Дороховская...
НТ: К Дороховской, да, зайдите. Она тоже хотела вас видеть.
ВС: А вот тут кто жил – я не помню.
НТ: Ну... этот Резник...
ВС: Резник, да...
НТ: Резник...
ВС: Ну я не знаю, в каком точно доме он жил...
НТ: Как его...
ВС: Его дочка была, вроде, да.
НТ: Да, да, я ее видел. Знаешь, кто здесь ж... вот жил?
ВС: Такой он невысокий...
НТ: Кур резал – как же его? Шойхет.
КВ: Шойхет.

НТ: Вон вот тут он жил.
КВ: Здесь?
НТ: Да, вот он дом.
КВ: А нам говорили, что дочка его единственная была во всей округе из детей, кто по-еврейски говорил.
НТ: Я не знаю.
ВС: Мы так не (?) говорили, конечно.
НТ: Мы так не говорили, не всп... мы так не говорили.
ВС: Мы тоже понимали, конечно. Вот он понимал, я многое понимал...
НТ: Да, конечно. И он понимал. Еще вырос вот этот...
ВС: Так, чтоб говорили... но чисто никто не говорил.
КВ: А не помните, чтобы она говорила? Общались вы с дочкой... или она другого возраста была?
ВС: Ты помнишь его дочку? Я помню ее...
НТ: Муся ее звали.
КВ: Муся, да. Тоже она маленькая была, когда вы маленькие были? Она с вами играла?
НТ: Конечно, она... она была страшнее. Она старше была. Даже меня старше...
КВ: Постарше?
НТ: Она старше нас была.
КВ: Не помните, чтобы она по-еврейски говорила?
НТ: Не-а...
ВС: Это что, на идише?
НТ: Нет, она не говорила на идише...
ВС: Не... ну здесь же никто на идише не знает...
НТ: У нас никто, мы здесь никто не говорил. Мы просто понимали.
ВС: Странные тоже не говорили. Ну так... немножко на русском, немножко на еврейском.
НТ: Да, но не говорили мы, не говорили на нем.
ВС: Чисто на ивр... на идише не говорил никто. А Фира Марковна есть еще?
НТ: Да, болеет она.
(Обсуждают, что к Фире Марковне кто-то ходил из экспедиции).
ВС: А вы не были у этого... у Иоськи не были у (нрзб), он знает идиш хорошо.
КВ: Какой Иоська.
НТ: Ты знаешь... Иоська, тут у проволоки жил, как же его?
КВ: Коган что ли?
НТ: Коган, да, да. Не ездили на ПТУ?
КВ: Ходили, ходил кто-то к нему...
ВС: Сейчас он не (нрзб) на ПТУ...
НТ: Да. На ПТУ он.
ВС: Нет. Сейчас есть? Что, идиш хорошо знает?
НТ: Я не знаю, гово... девочки ...

ВС: А что, он старый уже...

НТ: Девочки что знают, да?

ВС: Вы говорили с ним?

ОЖ: Нет, мы не говори...

КВ: Нет, я не говорила, но я слышала запись сегодня. Он разговаривает только на идише.

ВС?: Только на идише, да? По-моему, это интересный человек. Надо с ним поговорить. А нам какой-то с Брацлава... нашли в нашу школу там. Давит какой-то ехал из Брацлава нам... старик. Ну и мы с Мариной к нему ходили на уроки идиша. Он там нам дал пару уроков, а потом он исчез куда-то. Так что тут носители есть, да, есть где нужно.

КВ: Ну вот мы, мы вам найдем носителя тут.

ВС: Не, раньше этим я просто этим не интересовался. Когда начал ходить в школу...

КВ: Вы?

ВС: Вот. У меня книги... раньше было много книг на идише, да? В библиотеке были книги на идише.

НТ: Журнал...

КВ: В школьной библиотеке?

НТ: Журнал «Ди советише геймланд» был...

КВ: Нет, в школьной – вряд ли. А в районной были библиотеке на и... были книги на идише.

НТ: Был «Ди советише геймланд» журнал из Бирабиджана.

ВС: Значит, кто-то их читал там.

НТ: Я считал, ее все... не... еще читателей нет, я еще и удивлялся – для кого они выписывают это... эту печать, которую читать не умеют.

ВС: Не так это... не так уж это... просто... вылива... (нрзб) понты гоняли, что... это в основном политика...

НТ: Кто мог читать их?

КВ: А ваши уже не могли родители...

ВС?: Ну чего? На идише им тяжело читать. (Нрзб). Нет, считай, там буквы ивритские... иврит надо...

НТ: Иврит надо... ивритские буквы там.

КВ: Не, ну когда вы маленький были, еще же много было людей, которые еврейские школы, наверное, закончили...

НТ: Нет... а были, да, были...

КВ: Могли бы они читать.

НТ: Они умели читать, да-да. Умели, да были...

КВ: Умели, но не читали?

НТ: Ну не... они читали. Были это... и выписывали даже... кто-то мне говорил, что выписывал «Ди советише геймланд»...

КВ: Выписывали кто-то из людей...

ВС: Я когда в восьмидесятые годы ходил сюда на кладбище, то я ходил к старому Мошевскому. Он что-то еще помнил...

НТ: О, Мошевский старый, да, да, да...

ВС: И он там, но он очень плохо помнил...

КВ: А не помните – я не помню, спрашивала вас или нет? Кто-нибудь...

ВС: Евреи (?) конечно, может сохранили, но...

КВ: ...чтобы кто-нибудь детей своих учил вот еврейским буквам...

НТ: Нет. Витя, ты не помнишь наши буквы (?)..?

ВС: Когда я был...

НТ: (Нрзб)

ВС: Я говорю, что я когда начал в восьмидесятые годы памятники читать, вот, и даже этот Мошевский старый...

НТ: Старый уже...

ВС: Я с его сыном учился в одном классе... вот он что-то буквы помнил, но он слова уже не помнил. Он... может, он идиш знал, но иврит он не знал. Он говорит...

КВ: Но в советской школе же не учили иврит...

ВС: Ну женщина – а шо, женщина тайшани, чтоб а шо. 8.26. Я так и записывал за ним. То есть он уже вроде... у него там уж спуталось все. Никто не учил в школе. Вот он еще учился, может, когда-то в тридцатые годы...

НТ: Да, или в двадцатые. В конце... он же сам офицер был, подполковник...

ВС: А прошло пятьдесят лет... да... прошло пятьдесят лет.

НТ: Он войну прошел, уже (нрзб)... он что мог помнить?

КВ: Не, ну в советской же школе, в советской-то школе иврита не должны были учить.

НТ: Не-не. Идиш же были же. Идиш, да. До войны был идиш. Изучали. Были еврейские школы.

ВС: А, может быть, и иврит учили.

НТ: Нет, Витя, иврит – нет. Иврит – это точно. Иврит считался запрещенный. Это точно.

ВС: Но что-то он слышал, Мошевский там, что-то она там, какие-то слова отдельные...

НТ: Ну может он... (нрзб). Он был запрещенный, иврит.

КВ: Так он ходил, может, молиться там? Вот он и слышал...

ВС: Да вряд ли он ходил молиться. Он... офицер советской армии.

НТ: Он офицер советский... он был подполковником.

КВ: В детстве его родители там...

НТ: Нет, что-то пол... вполне (?)... потом если ж он читал. На кладбище там...

ВС: А Йолдек молился же...

НТ: Во, вот тут вот жил, пом... помнишь, мы это... Бужка, Бужка мы его называли...

ВС: Бужка Йолдек...

НТ: Йолдек, да. Было у нас же, помнишь...

ВС: Миша все время камни кидал...

НТ: Да, камни кидал... (смеется)...

КВ: Камни кидали...

НТ: Д-да-да. Ну так баловались...

ВС: Ну, они все время...

КВ: Во время молитвы?

НТ: Не-не. Умеет (?) же...

ВС: Он это... кипу одевал...

НТ: Да, Йолдек... не Йолдек, а Миша...

ВС: Какие-то книжку у него были.

НТ: Да, да. Вот, тут домик его был.

ВС: Да, мои книжки это так вот... выходил он еще...

НТ: Бужка, Бужка...

ВС: Вот выходил он еще там... сидел и читал эти книжки...

НТ: Бужка, Бужка, да.

КВ: Выходил? Прямо на улице сидел?

ВС: Да. Выходил на улицу прямо, садился под дверями...

НТ: Прямо читал...

ВС: ...и читал.

НТ: Старые, да, да... А еще Шурика дед тоже читать умел.

ВС: Шурика дед тоже, да. У Шурика дед – он такой был... мы с ним мало говорили... замкнутый...

НТ: Да, он такой, он такой замкнутый, замкнутый, да... а Бужка – да. Бужка, то...

КВ: А это они нанимали домик, чтоб молиться? Это вот эти люди?

ВС: Я не знаю. Они, может, и молились. Но мне об этом ничего не извещено.

НТ: Насколько я знаю, что они собирались в домике, где...

ВС: Где-то был может быть...

НТ: Не, не один. Они меняли, они собирались. Мы шли за церковью – я пока вот у тети... моя жила. Помните, мы шли с вами, да?

КВ: Да, да, да.

НТ: Так я вот... вот там они, в том доме собирались. Потом они где-то вот тут тоже собирались.

ВС: Понимаете, у нас при советской власти за это можно было и в тюрьму загреметь...

НТ: Да. Загреметь было... не... запрещено было.

КВ: А почему вы его называли Бужка?

НТ: Ну так, сейчас я помню, как-то... Бужкой называли...

КВ: Вы помните, почему?

НТ: Я помню его – рыженький такой, маленький, да? Полненький такой...

КВ: А были прозвища вот еврейских слов какие-нибудь?

НТ: Конечно, было. Ну как... ну было... ну как, по-разному... Ну тэ...

КВ: Ну, вот Людоед – это русское, а еврейские слова были как прозвища?

ВС: Еврейские сло... Еврейские прозвище, они...

КВ: Ну, чтоб слово, слово еврейское вот было...

НТ: Нет...

ВС: Суханда (?)...

НТ: Я вот знаю – Хездек, ну...

ВС: Хездек.

НТ: Хездек.

КВ: Так а это что?

НТ: Вот, вот сняли дом вот этот, сняли дом.

КВ: А что, что это значит, такое слово?

ВС: Это что-то... что-то... он был последний балагула.

НТ: Точно (?) был балагула, да, последний... Из Маяка. Когда мы, когда мы с соседями хвост... (смеется)... (нрзб)...

ВС: Мы смеялись. Ну вот он так вот жил (нрзб)...

НТ: Ну, ничего, он кусок хлеба (?)...

ВС: Потому что Балагулы имели огромную власть в Тульчине. До революции.

КВ: А в чем эта власть выражалась?

ВС: Эта власть заключалась в экономической сфере. Например, у нас такие легенды ходили, что когда строили железную дорогу, так балагулы дали взятку большую начальству, чтоб не прошла через Тульчин. Такие вот типа легендарные...

КВ: А еще что-нибудь рассказывали про них?

ВС: Потом Балагулы обеспечивали местное население водой.

НТ: Да, вот...

ВС: Я не знаю, это по... ты помнишь или нет, воды ж не было у нас. После войны я брал ведро, ходил на улицу и кидал – там будка стояла – кидал пять копеек. И мне там тетка качала воду. Потому что в центре питьевой воды не было. Балагулы развозили людей на... железнодорожную станцию и товары – город был торговый. Вот, они развозили воду, да. Они имели огромную власть, балагулы. Вот почитайте рассказы Бабея – когда балагулы объединялись, их даже бандиты боялись... людей...

НТ: (Здоровается с кем-то и разговаривает о здоровье) Вот у меня ... я помню, я тебе еще добавлю. В Тульчине очень были еврейские банды. Значит, тут был Арон...

ВС: А я об этом (?) ничего не слышал.

НТ: А я слышал...

ВС: Меня спрашивали, я ничего не могу сказать...

НТ: Я знаю это точно... Была такой, был такой Арон Мо... Арон... Шпигель, звали его. Арон Мойше Вэлис... не... Арон Мойше Вэлис – не тот, вру, я, извините, непра... Арон Шпигель был такой б... потом был... сейчас-сейчас, дайте... вот тут помнишь, тут был... жестянщик работал? Тут на углу?

ВС: Я помню... уже слышал...

НТ: Вот этот Арон бывший... вылез прямо вот прямо, где место этого (?) было... и тут жестянщик был. Подождите... и был... очень банды большие,

подожд... по... Хайм Цоп – вот я слышал, Хайм Цоп его называли. Я еще тут... банды держали тут все в руках...

ВС: Ну это когда было? В двадцатые годы?

НТ: В двадцатые годы... до... до революции было.

ВС: Были до революции...

КВ: До революции...

НТ: Банды, да, еврейские банды...

ВС: Меня кто-то спрашивал из ваших.

НТ: Бандиты, да, были. Хайм Цоп – вот этот, я точно... мне мама покойная говорила.

ВС: А твоя мама местная, да?

НТ: Ну да. Хайм Цоп. Потому что мой дед тоже был ка... балагула был, так они травили лошадей и вот...

КВ: Ваш дед был балагула?

НТ: Да. Он был, при... он приехал с Америки. Они выехали... прие... когда погромы были – они выехали, были в Америке. А так как бабу... бабушка очень любила родину, и они вернулись с Америки сюда. Она приехала на... Гитлеру (?) сюда, а деда – тридцать третий год приехал.

КВ: Да, вовремя...

НТ: И с Америки приехали, с Филадельфии. Они жили в Филадельфии. Даже Костина мама...

ВС: Костя... У Кости (?) дядя тоже ж был в Америки. Помнишь его, да?

КВ: Тоже вернулся?

ВС: Вернулся, да. Он работал на заводах Форда. Значит, это массовое такое было?

НТ: Да, массовая эмигра... так он... вернулась она, вот так и не вспомнила... много, чего забывает. Так я вам скажу... (Пауза). Ну они вернулись, значит, вер... бабушка начала де... командовала, что я хочу домой. Мама покойная рассказывала, что... мама родилась уже тут. Мама родилась у меня в четырнадцатом, значит, это было до революции. Вэйла, тетя моя, которую мы проходили – там жила... она уже покойница, где мы проходили за церковью, рассказывал тетя моя жила – помните, да? Она родилась в Америке. Костина мама, это моего двоюр... покойного двоюродного брата. И он же там умер в Америке. Наверное, судьба. Очень интересная судьба. Он же жил всю жизнь в Одессе и умер в Америке. Вот. Признали у него эту... болячку... и там у него сын в Америке. В Америку выехал, и вот думали, что там сделают, оперируют. И там он уже год, как он умер. А тетя моя родилась – их было пять сестер [так!] – а мама моя самая младшая была. Уже тут родилась. Мама с двенадцатого... значит, они были...

КВ: А уехали вот они вот в начале самом...

НТ: В начале века, наверное.

КВ: А куда?

(Говорят вместе о том, что начались погромы)

НТ: В начале в... они с Америк...

КВ: В начале века погромы были?

НТ: Да, начались...

ВС: Три... Кишиневские погромы в тысяча девятьсот четвертом году...

НТ: В третьем, третьем, потом... третий, четвертый...

ВС: Особенно большой ужас, конечно, кишиневский погром вызвал (?)...

НТ: Проскуровский... а тут проскуровский страшный... проскуровский, вот в Хмельнице... Идемте... проскуровский сильный был погром. Еще одесский погром, кишиневский.

ОЖ: А вер... а вернулись в тридцатых?

НТ: Кто вернулся..?

КВ: В четырнадцатом.

ОЖ: В четырнадцатом...

НТ: Даже не в четырнадцатом, даже в двенадцатом. Потому что мама с двена... мама уже тут родилась. А тетя родилась... тетя родилась вот... видимо, в Америке родилась.

КВ: Слушайте, так а банды, банды – они чем занимались?

НТ: Убивали евреев, а еврей...

КВ: Они по улицам разбойничали или...

НТ: Да, еврейские банды име... ну да, они разбойничали, они ездили в Журавлевку сюда, вот... вот у меня тоже один интересный во... вот, видите, вспоминаю. Мне один рассказывал тоже интересную вещь – в Журавлевке что было. А помнишь, ты (?) мне рассказывал? Это... ты его знал. Тут был о... тоже с этой банды Пиня-барабанщик. Ты его должен помнить. Дядя Пиня.

ВС: Так, очень смутно.

НТ: Ну, вот тут же они жили. Помнишь, где жил... где гостиница была, помнишь примерно (?)...

КВ: Это из клезмеров, что ли?

НТ: О, да, он клезмер был сам, барабан...

ВС: Имя-то знакомое...

НТ: Дядя Пиня. Он всегда играл этого...

ВС: А это он бил этого... а, помню, это я помню...

НТ: Да-да-да. Дядя Пиня. Он был с бандитами. Все, все тех бандитов в Тульчине. Так он рассказывал, как они налеты делали. Налеты на богатых, на богатых русских и евреев они налеты делали, налетчики. И потом, что он еще де... он рассказывал, что они еха...здили в Журавлевку, он мне... помню его рассказ. В Журавлевку они ездили. Журавлевка тут километров двенадцать, правда?

ВС: Двенадцать, да.

НТ: Вот. Так... там старая станция. Они вначале (?) объявляли, значит, сейчас будет... значит, они не знают, у кого деньги есть. Сейчас вот будут бандиты... придут, будут... и вот у кого, они видят, кто прячет деньги, они уже все, они уже знали.

КВ: Угу, и вынимаются деньги...

НТ: И вот от имени (?)... что, как вынимаются? Сами они уже заста... они уже поставили пушку и они уже грабили. Я помню, это нам рассказывал, говорит – сейчас будут погр... сейчас придут налетчики. И сразу кто... ну, знаешь, кто... реакция че... они на реакцию человеческую.

ВС: Это во время революции они, наверно, там? Или до войны...

НТ: Во время... не, до революции, наверно. Пятый год, десятый...

КВ: А здесь, в городе в собственном они... или вообще тут опасно было?

НТ: Да, говорят, было... выйти в город вечером – тяжело было. Они били евреев и неевреев. Но банды были – Хайм Цоп. Вот это... вот это Хайм Цоп – я хорошо запомнил, было, назывался.

КВ: Это мама вам все рассказала?

НТ: А?

КВ: Мама все рассказа...

НТ: Мама расска... еще один здесь старый еврей – вы бы пошли, тут есть... но очень больной. Помагрин, он... он тоже знает. Он в этом доме живет. Я кста... он, он, у него... если (?) он вам примет. Я его сегодня видел – он сидел. Он бы вам больше мог рассказать, чем я. Он...

КВ: Помагрин?

НТ: Ему лет... Помагрин. Дядя Яша. Шуры Помагриной отец.

ВС: Он воевал. Он ветеран войны, по-моему.

НТ: Да, он ветеран войны, да, он воевал. Он бы мог очень много вам сказать, потому...

КВ: В розовом доме что ли? Где он живет?

НТ: Вот здесь, в этом доме.

КВ: В каком?

НТ: В «Огоньке». Ну там, где...

КВ: Это же разве дома?

ВС: Я помню его.

НТ: Я его... он сидел, его надо про... прохо... прохо... когда он сидит, такой дядька, полненький. Вот тогда вы его поймаете.

КВ: А покажите, где, я не понимаю чего-то.

НТ: Вот этот вот дом, где мы... где вот мы вышли – вот левее туда. Там пятиэтажный дом.

КВ: А, пятиэтажный...

ВС: Пятиэтажный дом, где у нас это... магазины.

НТ: Магазины, да, да. От базара когда вы вышли...

ВС: Рядом с Суворовым...

НТ: Да-да-да, этот вот дом.

КВ: А, ну так на Ленина выходит дом?

ОЖ: А, а... адрес какой, вы знаете, нет?

НТ: Нет, я вас... я вас дальше веду...

КВ: Ну Калинина, между церковью и базаром, в общем...

ВС: Он там все время сидит, он сейчас не выходит.

(Обсуждают состояние старика)...

НТ: Ну он очень много знает, он самый старый.

ВС: В свое время он...

НТ: У Абрама вы были вы, у Абрама? Ермолинский?

КВ: Ермолинский – нет...

ОЖ: Да, кто-то из наших был...

КВ: Но кто-то был, да у него.

НТ: Вот этот самый... вот самый старый. И дядя Яша, и все. И больше никто. Они двадцать четвертого года. Вот он вам тоже мог бы рассказать (нрзб). Он очень, ну чисто... дядя Яша мог... но... вот эти дома он вспоминал, знал, где что, кто тут жил.

ОЖ: А он... если он выходит, он сидит с этой стороны?

НТ: Да, прямо с этой стороны, да. Первая лавочка. Вы увидите – такой полный, грузный старик, старичок. (Объясняет его состояние, старичок с характером и НТ рекомендует поймать его под хорошее настроение. Полное имя старичка – Яков Шульевич Помагрин).

(Собиратели благодарят и прощаются с информантами, конец записи)

Tul_05_063_7

19.07.2005, г. Тульчин.

Инф.: **Святелик Виктор Андреевич** (ВС), 1947 г. р., рус., краевед/
Участствует также **Николай Наумович Тираспольский**.

Соб.: К.Викторова (КВ), О.Жиронкина (ОЖ)

КВ: ...звуют?

ВС: Я не помню.

КВ: Панкина? Панкина?

(Идут по городу)

КВ: Вот этот дом мне очень нравится, конечно.

ВС: Чудесный дом. Скоро развалится.

КВ: Может, его кто-нибудь купит.

ВС: Бороховская тут живет...

КВ: Угу, мы были у нее.

ВС: Это дом Зака, вот это (нрзб)...

КВ: Зака?

ВС: Зака. Он торговал еще. Вот эти дома якобы принадлежали Розенфельду. Он жил в гостинице (нрзб). Ну это вот такие сведения, там (нрзб)... так, но других сведений нет.

КВ: Как жалко, что дом разваливается. А дома сами строили или нанимали каких-то архитекторов там специально? Такие вот дома...

ВС: Ну, если деньги были, то нанимали. Нанимали, вряд ли они сами строили.

(Пауза) Вот мужики сами строили.

КВ: Мужики, это кто?

ВС: Украинцы.

КВ: А церковь почему именно здесь построили? Здесь было православных много, вот в этом районе?

ВС: Церковь? Церковь перенесли.

КВ: Перенесли?

ВС: У вас у Соколовой есть карта Тульчина. 1980 года. Церковь была там, рядом с Первой... за Первой школой. (Нрзб). Но она сгорела. И эта церковь есть на ее карте, и считают, что этот проект французского архитектора, который...

ОЖ: Что-что?

ВС: Проект французского архитектора, который дворец строил.

КВ: Это? Вы думаете?

ВС: Карта (?).

КВ: Да?

ВС: Церковь построена Потоцким в 1789 году. Но тут, как пустое место она шла (?). Чего... тут вообще-то кладбище было. Может поэтому...

КВ: А в смысле кладбище... поставил архитектор...

ОЖ: А какой кладбище?

ВС: Ослам (?).... вот так оно шло. Там оно шло оттуда, вот так оно.

Потом выходило вон к той церкви. А так оно, как речка протекала, через весь Тульчин. Так, ну что вам еще показать?

КВ: Спасибо, Виктор Андреевич...

ОЖ: Давайте, мы вас отпустим уже...

ВС: Да пойдемте назад. Чего меня отпустить?

ОЖ: Давайте.

КВ: Вам туда?

ВС: Мне туда, куда и вам.

ОЖ: Пойдем, может, там?

ВС: Пойдемте там. (Идут). Вот это все еврейские дома. Но кому они там принадлежали? (Нрзб).

ОЖ: Это в основном на своей улице, там где жили, да?

ВС: Конечно, там, где жил, там и знаю. Евреи вообще обладают хорошей памятью. Вот вам бы словить какого-нибудь под (нрзб). Вот Могилевская, она вам все расскажет. (Идут).

КВ: А почему Тираспольские не уехали?

ВС: Что?

КВ: Тираспольские почему не уехали?

ВС: Не знаю. Вы знаете, многие евреи, которые уехали, они не очень довольны тем, как они там живут.

КВ: Они возвращаются...

ВС: Даже, если не возвращаются, то так приезжают или, по крайней мере, хотели бы вернуться. Часто приезжает с Германии один друг детства нашего, который рядом с нами жил. Фима. Он говорит – ты знаешь, там многие делают вид, что им хорошо. Они хотели бы вернуться. Но просто им городость не позволяет.

КВ: Ах вот так. А что, над ними смеяться будут? Что, мол, не прижились? Или что?

ВС: Не знаю, ну знаете, дело в том, что там жизнь обеспечена...

КВ: Послушайте, а когда евреи...

ВС: ...или ради идеи, ради детей. А дети там быстро приживаются, конечно, молодежь. А люди старшего поколения, им тяжело.

КВ: Когда разрешили выезд, в шестидесятых, да, годах, ведь в конце шестидесятых?

ВС: Нет.

КВ: А когда?

ВС: Начали разрешать в восьмидесятые годы уже.

КВ: А, в восьмидесятые?

ВС: Да. И то это было очень тяжело – большой наплыв.

ОЖ: Это уже в Горбачевско время?

ВС: Нет, еще в Брежневское...

ОЖ: Раньше, да?

ВС: Да. Начали разреша... вообще-то начали где-то с семьдесят шестого года. И это... капнуло (?). И это все диктовалось взаимоотношениями Советского Союза с арабским миром. Если они были хорошие, евреи сидели тут. Они были советские люди. Как арабы начинали поднимать хвост, то...

КВ: То уж им подкидывали...

ВС: (Смеются) То уж им подсовывали туда группу новых евреев.

КВ: А... так когда им разрешили, как к этому остальные относились – завидовали или в общем...

ВС: Понимаете, так сложилось, что одни хотели уезжать, другие – не хотели. Ведь жизнь тогда еще относительно была стабильная. И многие евреи тут – вот хотя бы этот Либерман – они хорошо жили материально. И они привыкли тут жить. У них тут и родители похоронены, и детство их прошло. Вот. А уезжали люди, которые или деньги большие имели, или родственников там. Вот мой выехал учитель. У него тетка жила в Израиле. Он ездил туда. Он не хотел туда уезжать. Он хотел забрать наследство своей тетки сюда. А они не разрешили наследство ввести. Вот. Кроме того, у него сын был больной. Болезнь, конечно, была специфическая – ожирение там, еще что-то с головой у него было. Но у нас такое не лечили, а там, видимо...

ОЖ: А что он здесь преподавал?

ВС: Немецкий язык.

ОЖ: Немецкий язык?

ВС: Угу. Так что сама жизнь им (нрзб). Те люди, которые имели родственников. Вот выехал друг моего детства – мы о нем вспоминали. У него как сложилось... жизнь. Мама была бедная бухгалтерша...

ОЖ: Это кто?

О

ВС: Шурик Херш – вот его тут проходили дом вот по этой улице... мы с ним в одном классе учились и были с одного года. Вот. Мама была бедная бухгалтерша: двое детей. Они их там еле тянула. Дом у них такой старый был. Настоящий сарайю а папа куда-то там где-то там чухнул – нету папы. И вот папа появился. Шурику было уже тридцать три года. Он в Москве жил. Женился на москвичке. И папа возник из Австралии. И говорит ему... тридцать третий год – это как раз восьмидесятый год получается. И давай,

говорит, приедь ко мне в гости. ну, раз папа его там. Он поехал к нему на три месяца. Ему там понравилось. И он выехал к нему в Австралию.

КВ: Ничего себе!

ВС: И все евреи говорили, что он правильно сделал. Там ему будет хорошо.

ОЖ: И от него какие-нибудь вести есть?

ВС: Ничего абсолютно. Не приезжал никогда. Нет.

ОЖ: Не звонил никому?

ВС: Нет. Как исчез он в этой... растворился в Австралии, так о нем ни слуху, ни духу. Потому что те, кто уехали в Америку или там в Германию, или в Израиль... а я себе, говорит, знаю (?). Они приехжают. Они все к Галине Иосифовне обращаются. Она их там всех принимает или с ними по телефону говорит.

КВ: Именно к ней?

ВС: А потому что она жена нашего любимого директора. У нас директор особенный был. У нас директор, как Суворов. Знал всех учеников в лицо. Если бы не он, то я бы... очень поплатился. Он меня сдерживал. Потому что я...

КВ: Что-что?

ВС: Сдерживал меня. Я с шестнадцати лет был отъявленным антикоммунистом. Вот. А он меня сдерживал. Он всегда вызывал меня к себе в кабинет, беседовал (нрзб), увещевал, говорил, чтобы я успокоился. Чтоб... как мне передали – с... каменная стена. (Сммется). Ее не сдвинуть.

КВ: Про директора вообще, да, многие рассказывают.

ВС: Он интересный был человек. Вот он все время был в школе. Днем и ночью он там был. Он жил этой школой.

КВ: А дети были у них?

ВС: Да, дети... сейчас... а не хва... не хвалилась Галина Иосифовна? Сын у нее (нрзб)... сын у нее академик. Референт Верховного совета России. Раньше было СССР. Какую-то фирму он там возглавляет. Думаю (?), эта фирма туман (?) стришет. Но деньги, наверное, большие зарабатывает. Доктор наук, профессор, академик. Да... он недавно приезжал на встречу.

ОЖ: А проводят встречи выпускников?

ВС: Мы проводим постоянно, да.

ОЖ: Каждый год?

ВС: Нет, зачем через год? Лет через десять. Мы стручались через двадцать лет, двадцать пять. Сейчас встретились через сорок лет в этом году.

ОЖ: Понятно.

ВС: Понимаете, с каждым годом все меньше и меньше приезжают. И те, кто за границей, они... все время приезжают.

КВ: А выпускники других школ устраивают свои встречи?

ВС: Да, устраивают. Вот, я знаю, что Третья школа больше всех. Я так не видел, чтобы... такой вот дух был, как в Третьей школе.

ОЖ: А в какое время это – встречи проходят? Есть какой-то день?

ВС: Ну... вообще-то нет. Летом. В начале июля обычно.

ОЖ: Вначале июля?

ВС: Да. Первая встреча была очень интересная. Когда мы так встретились, нам было сорок лет. Тогда еще все были молодые. Энергичные. С каждым разом все хуже и хуже. Вас, наверное, это тоже ожидает. Так что готовьтесь психологически. Все грустнее и грустнее. Все учителя уже поумирали. Мы были на кладбище. Много учеников тоже поумирало. Вот здесь была еврейская аптека Фукса. Где этот зеленый магазин... это ветеринарное училище за ним, да? Еврейская (нрзб)... Вот ему кто-то уши обрубил. Какой-то бандит – я не знаю. Еврейский, не еврейск...

КВ: Уши?

ВС: Уши, да. Отрубил сам.

ОЖ: А когда то было?

ВС: Что?

ОЖ: Это како... какого года...

ВС: Тысяча девятьсот...

ОЖ: ...аптека?

ВС: Аптека? Ну она до... до это... дореволюционная...

ОЖ: Дореволюционная, да?

КВ: А за что ему уши-то?

ВС: Ну не знаю. Грабили просто, просто грабили. (Нрзб)...

КВ: А русских не было среди бандитов? Украинцев...

ВС: Я не знаю... украинцев... ну, видите, я приносил книжку интересную – она по-моему со мной. Хотите, я дам вам ее почитать? Нет, я не взял ее. Я давал ее Соколовой. Она, правда, кажется, что не очень внимательно ее читала. Здесь очерки Сведицкого (?). Это наш земляк, первый украинский романист. У него есть этнографические очерки. Там у него... и очень много именно о евреях. Но там не о Тульчине, хотя Тульчин тоже упоминается. Именно о Подолье (нрзб). О том, что евреи занимались контрабандой, потом мошенничествами разных сортов. Изготовлением фальшивых денег, конокрадством.

КВ: Евреи?

ВС: Да. Евреи у нас возглавляли своего рода мафию. Причем, если верить Сведицкому – эта мафия была очень мощная. Что даже русское полицейское государство абсолютно не могло с ней справиться. Похоже на «Крестного отца». Там такие рассказы и... ну он сам писатель, может, немножко приукрашивает...

КВ: Так а неевреи в этом не участвовали?

ВС: Кто?

КВ: Неевреи?

ВС: Нет, участвовали. Но евреи этим делом руководили. Хотите, я вам принесу почитать? Но это девятнадцатое столетие.

КВ: (Нрзб – объясняет, что они не успевают читать).

ОЖ: Девятнадцатый век...

ВС: Это конец, да...

ОЖ: А издана она когда?

ВС: Ну как? Книжка издана? Ну сейчас. Я ска... Восемидесятые годы.

КВ: Раньше столько же народу по вечерам было или больше?

ВС: Раньше? Ну как сказать. Годы моего детства, они были очень специфические. Они совершенно отличаются от того, что сейчас есть. Во-первых, у нас в городе было очень много идиотов, дураков разного рода. Не было телевизора. Были такие развлечения, что эти дураки ходили по городу. Их было человек сто. Мы так с другом посчитали – человек сто было в Тульчине. Как-то их общество не изолировало. Вот они у нас были своим развлечением. И потом было очень много молодежных банд после войны. Среди них были евреи тоже. Но в основном эти банды были украинские. Это дети бедных там... матерей там. Папа исчез, где-то растворился на фронтах войны или убили его, или вообще его не было никогда. Они были вечно голодные и злые... от более или менее состоятельных, к которым я имел несчастье принадлежать. Они владели городом. Лупили всех, занимались поборами, кражами.

ОЖ: А это какой возраст? Молодежи...

ВС: Ну это 14-15 лет...

ОЖ: А, то есть это подростки совсем...

ВС: Банды были большие. Собирались по 20-30 человек. Если некого было бить, бились между собой. Кто проигрывал, ставил выпивку. Проигравший. Вот мой друг Сеня Кацман – жил со мной в одном доме. Про него Тираспольский упоминал – он был членом такой банды. Руководили там вообще-то украинцы, а не евреи. Евреев там было очень мало. Но Сеня там был.

КВ: Вечером на главную улицу выходить небезопасно было?

ВС: Вечером на Пражской (?) улице – было выходить небезопасно. Ну взрослым-то – не знаю, а...

КВ: Мальчишкам...

ВС: Да. Пацана могли избить, обобрать. И даже днем могли это сделать. И в школе могли это сделать. Сейчас, такого нету, мне кажется.

ОЖ: С... А на своей улице, где вы жили – там было безопасно? Или вы вечером...

ВС: На своей улице? Поэтому мы не выходили. Потому что там мы были под охраной родителей, понимаете? Даже если не был под охраной родителей... вот если, допустим, там приходит, приходит какой-то там малолетний бандит, выходит еврейская такая, вот как мама этого Тираспольского. Вы себе не представляете, до чего они голосистая была. Она как раскроет свое хайло, там любая банда убежит. Там вот эта Панкина... я любовался, как они проклинают друг друга. Это надо записывать как фольклор. Она говорила так – Чтоб у тебя было четыре дома, чтоб в каждом доме было семь комнат, чтоб в каждом доме стояло по дивану и чтоб тебя кидало с дивана на диван.

КВ: Здорово. А та ей что?

ВС: Ну... против этого ничего не скажешь. (Смеется).

КВ: А ваша мама могла с ними участвовать наравне в таких диалогах или ей...

ВС: Не.

КВ: Нет?

ВС: Моя мама вечно работала. Ей было не до этого. Она работала обычно до двух часов ночи. Отец пил. Мать делала карьеру. Надо было как-то содержать семью. Ей было не до диалогов. А еврейки вот эти вот – это его мама, Тираспольского, другие, они нигде не работали.

КВ: Мужья хорошо зарабатывали?

ВС: Они занимались спекуляцией, какими-то там темными делами. Ну что ж, для нас они, может, сейчас они и светлые. Но при советской власти они считались темными, нехорошими. Мужья у них там очень хорошо зарабатывали. Они были какими-нибудь (?) там мясниками, торговцами. Там не дорезал, там не доложил, там недорубал. У нас есть рассказ, что один наш еврей приехал в Америку. И там по знакомству устроился продавцом в магазин продовольственный. В конце месяца приходит хозяин это... и нужно к нему деньги нести. Говорит – что это за деньги? – Я сэкономил. – Как сэкономил? Он начал объяснять, как – как у нас экономят. Там килограмм мяса – я ему немножко меньше взвесил, я ошибся. Ну что ж такое-то! Этот схватился за голову, этот хозяин. Говорит – давай список составляй, всех, кого ты обвесил. И потом ко всем ходил и извинялся перед ними и там (нрзб)... а этого сразу (нрзб)... Вот... У нас в основном улица какая была? Ну, отец Коли был сапожник. Он очень много работал. Качество работы было невысокое, но трудоспособность исключительная. Человек работал с пяти утра, с пяти-шести утра до часу ночи. И все время стучал молотком, вот. Остальные работали там мясниками, в торговле, вот так вот. Так что жены могли разгуливать по улицам и смотреть за своими детьми. Ну со мной... за мной тоже смотрели. Поскольку я был другом их детей.

ОЖ: Угу...

КВ: И ругаться можно было...

ВС: Да. Так стычек не было. Между собой евреи больше ругались, чем с украинцами.

КВ: А почему – вы думаете?

ВС: Там было, что делить. Что ж (нрзб смеется) значит в Тульчине.

ОЖ: Но они мирились или были какие-то такие...

ВС: Без проблем.

ОЖ: То есть это скорее...

ВС: Было такое, что там может не терпеть, но... терпимость огромная у евреев. Это... один другого не терпит, но что-то там надо... это... как, как говорят, что там в Англии нет друзей другого, ан (?) есть вечный интерес. Вот они по такому принципу и жили. Там ссоры, там могли и оскорбить. Вот этот самый же Людоед... вам можно рассказывать неприличную вещь?

КВ: Да. Расскажите.

ВС: Там ходил, рассказывал очень нехорошо... нехорошую вещь про маму этого... что дочь ее (нрзб) была с оккупантами (?), это между нами. А это

подходит, маме своей рассказывает, что он говорит... ну она покричала на него, покричала. Через пять минут он приходит играть. Как ни в чем не бывало.

КВ: Она ему... погодите, на Людоеда покричала?

ВС: Да, на Людоеда, конечно, это ж Людоед говорил. Так что там говорили [друг] про друга такие ужасные гадости. Но ничего. Как-то у них было принято все это очень спокойно воспринимать.

КВ: А вы считаете – у русских-украинцев не так было принято? Или вы просто не знаете?

ВС: Ну, если у нас бьются, то уж бьются. У нас так если... тоже у нас раз(нрзб)... у нас не говорят... враги вечные. А они как этот... такого не было.

ОЖ: То есть вечных врагов не было?

ВС: Вечных врагов не было.

КВ: Нравы проще?

ВС: Да. В Израиле, говорят, что в Израиле, что там если ребенок мой... какой он там не был, там проститутка или там асоциальный элемент или там наркоман – это все равно мой ребенок, я его люблю. Наверное и здесь, что евреи между собой – всегда у них была какая-то национальная общность, которая нам, украинцам так... все.